

Роман Сергеевич Белоусов
Граф Сен-Жермен

Великие пророки – 11

ВЕЛИКИЕ ПРОРОКИ

ГРАФ СЕН-ЖЕРМЕН

Роман Белоусов

ГРАФ СЕН-ЖЕРМЕН

ВЕЛИКИЕ ПРОРОКИ

РОМАН БЕЛОУСОВ

ГРАФ СЕН-ЖЕРМЕН

«Вы слышали о графе Сен-Жермене, о котором рассказывают так много чудесного?»

А. С. Пушкин. «Пиковая дама».

ЗАГАДКА ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Жизнь, похожая на лоскутное одеяло

Граф Сен-Жермен – одна из самых загадочных фигур в истории XVIII века. И по сей день имя графа окутано непроницаемой тайной, загадка его личности остается неразгаданной. Современники называли его магом и чародеем, пророком и учителем мудрости. Считалось, что ему известны секрет долголетия, иначе говоря, тайна сохранения молодости, возможно, и рецепт эликсира бессмертия. Теософы, вслед за Е. П. Блаватской, были уверены в том, что он «безусловно был величайшим адептом Востока, какого Европа видела за последние столетия», приходившим в мир как посланец Великого Братства Махатм, то есть Учителей мудрости, и явился человечеству «в надежде улучшить его, сделать мудрее и счастливее».

Биография Сен-Жермена, несмотря на усилия исследователей, не устающих разыскивать новые факты его жизни, похожа на лоскутное одеяло с множеством прорех. Вернее сказать, у него множество биографий, и одна невероятнее другой. Его считали чуть ли не воплощенным Богом, носителем тайной мудрости, великим пророком, одинаково прозревающим как будущее, так и прошлое. В своих воспоминаниях он подробно повествовал о событиях прошедших веков, будто был их современником и видел все собственными глазами. И еще Сен-Жермен был знаменит как алхимик, способный преобразовать неблагородные металлы в золото. Думали также, что он масон, чуть ли не их глава, и даже будто бы принадлежал к старинному ордену тамплиеров и был посвящен в их тайны.

Граф часто пропадал из поля зрения современников, а объявившись вновь, никак не объяснял ни своих исчезновений, ни еще более странных возвращений. Обычно он появлялся внезапно, скажем, в Париже, в Лондоне, Гааге или Риме, жил там под разными именами. И если бы не свидетельства тех, кто хорошо его знал, можно было бы действительно подумать, что граф Цароги (анаграмма от Ракоци), маркиз Монфера, граф Белламар, граф Уэлдон, граф Салтыков и граф Сен-Жермен – разные люди. Известно около дюжины псевдонимов, под которыми появлялся и действовал этот человек в различных местах и в различное время. Одни думали, что он испанец, незаконный сын вдовы испанского короля Карла II и мадридского банкира, другие считали побочным сыном португальского короля. Принимали его и за сына савойского сборщика податей по имени Ротондо. Одним словом, догадок и предположений было немало.

Но все единодушно сходились на том, что возраст графа определить невозможно. Отсюда, вероятно, и легенда о его долголетию, что будто бы ему известен путь, ведущий в бессмертие. Сам он любил ненароком обмолвиться, что лично был когда-то знаком с самим Христом и предсказал ему, что тот плохо кончит. Знал он и Клеопатру, и Платона, и Сенеку, и «запросто болтал с царицей Савской». Говоря об этом, граф вдруг спохватывался, как человек, сказавший лишнее, и таинственно умолкал.

Однажды в Дрездене кто-то спросил кучера Сен-Жермена, верно ли, что его господину четыреста лет? Тот ответил: «Точно не знаю. Но за те сто тридцать лет, что я служу ему, его светлость ничуть не изменились...»

Это по меньшей мере странное признание находило подтверждение у некоторых пожилых аристократок. Они вдруг припоминали, что давно в детстве уже видели этого человека в салонах своих бабушек. И с тех пор, поражались они, он совершенно не изменился внешне. Например, графиня д'Адемар удивлялась тому, как Сен-Жермену удается так долго жить, не старея. Ведь она знала, по ее словам, пожилых людей, которые видели его сорока-пятидесятилетним в самом начале XVIII века. Он выглядел так же, как и полвека спустя...

Другая свидетельница, графиня Жержи, сопровождавшая в начале XVIII века мужа в Венецию, куда он был назначен послом, спустя полвека встретила Сен-Жермена при дворе Людовика XV. Какое-то время она удивленно и даже с примесью страха наблюдала за графом и, наконец, не в силах более сдерживать возбуждение, подошла к нему.

– Будьте любезны, скажите, – начала графиня, – бывал ли Ваш отец в Венеции около

1710 года?

– Нет, мадам, – спокойно ответил граф. – Мой отец умер намного раньше. Но я сам жил в Венеции в конце прошлого и начале нынешнего веков и имел честь ухаживать за Вами в то время, а Вы были настолько добры, что восхищались несколькими баркаролами моего сочинения, которые мы тогда вместе пели.

– Извините, но это невозможно. Графу Сен-Жермену, которого я знала в те годы, было по крайней мере сорок пять лет, а Вам на вид сейчас больше не дать.

– Мадам, – ответил, улыбаясь, граф, – я очень стар.

– Но тогда Вам должно быть около ста лет.

– Это возможно.

И граф поведал графине несколько деталей их венецианского прошлого, которые могли быть известны только им двоим. Он также предложил, если она все еще сомневается, напомнить некоторые обстоятельства и фразы, которые...

– Нет, нет, – прервала старуха. – Вы меня убедили. Но все равно, Вы какой-то сверхъестественный человек! Вы дьявол!

– О, Боже! – громовым голосом воскликнул Сен-Жермен. – Не вздумайте больше упоминать этого имени!

Казалось, что все его тело охватила судорога, и он тут же покинул залу.

Графиня, рассказавшая об этом в своих воспоминаниях, добавила, что там же в Венеции получила в подарок от графа Сен-Жермена флакон с эликсиром, благодаря которому на протяжении четверти века оставалась совершенно такой же, как и двадцать пять лет назад. Что подтверждали и некоторые из хорошо знавших графиню. Возможно, так и возник слух о том, что граф Сен-Жермен владеет секретом бессмертия. Правда, графине Жержи в то время, когда она писала свои воспоминания, было за восемьдесят, и полагаться на ее память вряд ли стоило.

Как же выглядел этот странный граф? Вот как описывают его внешность современники. Он был среднего роста, лет сорока пяти, лицо смуглое, одухотворенное, отмеченное несомненными признаками глубокого интеллекта. Черты правильные, глаза пронизательные, волосы черные, осанка величественная. Одевался граф просто, но со вкусом. Единственное, что позволял себе, – это ослепительные бриллианты на пальцах, табакерке, часах и на пряжках туфель. Во всем его облике чувствовалось благородное происхождение.

Сам он намекал, что принадлежит к старинному венгерскому роду Ракоци. Наиболее известны двое из его предков: Дьёрдь Ракоци (1593–1648) – князь Трансильвании, участник Тридцатилетней войны на стороне анти габсбургской коалиции, и Ференц Ракоци II, руководитель освободительной войны венгров в 1703–1711 годах.

Итак, по одной из версий, он вполне мог быть сыном Ференца Ракоци I (1645–1676). Мать его, Илона Зриньи, была дочерью родителей, казненных австрийцами. Илоне удалось спастись благодаря посредничеству иезуитов и с помощью огромного выкупа. У Ференца и Илоны было трое детей: Дьёрдь, родившийся в 1667 году и проживший всего несколько месяцев; Юлиана, родившаяся в 1672 году и скончавшаяся в 1717-м; Ференц, родившийся в 1676 году и умерший в 1735-м. Их отец, Ференц Ракоци I, умер в 1676 году, спустя несколько месяцев после рождения Ференца-младшего.

Овдовевшая Илона вышла замуж в 1682 году за графа Имре Тёкёли. (Этому посвящена поэма Иштвана Дёндёши «О женитьбе Имре Тёкёли на Илоне Зриньи».) Граф выступил на стороне Турции против Австрии, был арестован и выслан в Белград, а жена отправлена в Вену, где она находилась как бы в плену. Обоих ее сыновей взял на попечение сам император Карл VI, ставший их опекуном и обещавший дать должное образование. Через год Илона Зриньи воссоединилась с Имре Тёкёли и никогда уже больше не видела ни своей родины, ни своих детей.

В восемнадцать лет Ференц Ракоци II женился на Шарлотте-Амалии Гессенской (из Рейнфальдской линии). Это произошло в 1694 году. От этого брака было четверо детей:

Липот-Дьёрдь (1696–1700), Йожеф (1700–1738), Дьёрдь (1701–1756) и Шарлотта (1706–?).

Некоторые полагают, что именно Липот-Дьёрдь, старший сын Ференца Ракоци II, и стал графом Сен-Жерменом. Однако достоверно известно, что мальчик умер четырех лет от роду. И тут возникает довольно странная версия. Год рождения Ференца совпадает с годом смерти его отца Ференца Ракоци II. Отсюда делают вывод, что смерть эта была инсценирована и что сын и отец – это одна и та же личность. Инсценировать свою смерть ему якобы помог верный его секретарь Келемен Микеш (1690–1761), разделивший со своим господином судьбу изгнанника, а впоследствии ставший крупнейшим венгерским писателем XVIII столетия, автором знаменитого эпистолярного памятника – мемуарной «почтовой прозы» «Письма из Турции», адресованной к несуществующей венгерской графине. Либо малолетнего наследника Ракоци укрыли в надежном месте и отдали под надзор верных людей.

О том, что граф Сен-Жермен был сыном Ференца Ракоци II, писал хорошо знавший графа ландграф Гессен-Кассельский. Есть свидетельства и о том, что сам Сен-Жермен признавался, будто является сыном князя Ракоци. Однако он не говорил, что был сыном именно Ференца Ракоци II, и не упоминал двоих своих братьев. Да и случаи, когда граф Сен-Жермен использовал имя Ракоци, достоверно не установлены. Как писал исследователь биографии графа Сен-Жермена Б. М. Цырков, «какую-либо связь графа Сен-Жермена с домом Ракоци нельзя установить никакими доступными историческими сведениями или же имеющимися документальными свидетельствами, даже если эта идея и кажется привлекательной некоторым исследователям...». Однако он не отрицает возможность подобной связи.

Существует еще одна версия о происхождении если не самого графа Сен-Жермена, то его имени: якобы некто купил имение Сен-Жермен в итальянском Тироле, заплатил папе за титул и стал графом Сен-Жерменом.

Ландграф Гессен-Кассельский писал в мемуарах, что Сен-Жермена, сына князя Ракоци, еще мальчиком отдали на попечение в семью герцога Джованни Медичи. По примеру своего брата, названного Сан-Карло, он стал сам себя именовать Святым Братом – Sanctus Germano.

Об этом же говорит и историк Чезаре Канту. Он пишет: «Маркиз Сан Жермано, по всей вероятности, сын князя Ракоци из Трансильвании; он часто бывал в Италии; несть числа рассказам о его путешествиях по Италии и Испании; он пользовался большой поддержкой последнего великого герцога Тосканского, у которого и получил образование». Автор добавляет, что Сен-Жермен учился в университете г. Сиены.

Многие авторы, относившиеся к графу Сен-Жермену неблагоприятно, окутывали ореолом таинственности и тот факт, что Сен-Жермен был очень богат. Они намекали, что деньги он получал нечестным путем. Кое-кто даже утверждал, будто он обманывал людей и выманивал у них деньги с помощью своих сверхъестественных способностей. Но есть совершенно определенная информация, проливающая свет на источник его доходов от огромного наследства, доставшегося ему по завещанию. Исполнителями этого завещания назначались герцог Бурбонский, герцог Мэнский и граф Шарлеруа из Тулузы. Их опеке будто бы и доверил князь Ракоци своего третьего сына, которому оставил немалые средства. Поэтому несостоятельны все домыслы, по которым Сен-Жермена пытались представить бездомным бродягой и безденежным авантюристом, ищущим богатых и доверчивых людей с целью выманить у них их состояние. Подобные домыслы часто мелькали в газетах того времени.

Сам он говорил, что доказательства о его происхождении «находятся в руках особы, от которой он зависит (то есть от австрийского императора), и эта зависимость всю жизнь довлеет над ним в виде постоянной слезки...». Однако раскрывать каждому свои личные тайны, заявлял он, не в его правилах.

Многие считали графа Сен-Жермена адептом магических искусств, алхимиком и масоном. Однако по поводу его масонства, сразу надо сказать, точных данных нет, больше того, руководители масонских лож отрицали его причастность к движению «вольных каменщиков». А такой их представитель, как король Фридрих II, называл Сен-Жермена просто шпионом.

Прусский король был в общем-то не далек от истины. Не однажды Сен-Жермену приходилось выполнять секретные миссии в разных странах.

Где бы ни был Сен-Жермен – в Гааге, Венеции, Вене, Лондоне, Берлине, Петербурге, – всюду он вел опасную дипломатическую и разведывательную работу, причем действовал как авантюрист, искатель приключений. Это особая страница в биографии графа. Ему поручал задания особо тонкого и щекотливого свойства сам Людовик XV. По его поручению Сен-Жермен отправился с секретным заданием в Гаагу под именем торговца Нобаста. Надо сказать, что в Гааге граф бывал в разное время неоднократно, по крайней мере раз шесть. В один из своих приездов он выступал посредником по продаже гидравлических машин по очистке и углублению рек, каналов и портов. Было создано даже общество по сбору средств на организацию строительной компании, и были выпущены специальные акции.

Сен-Жермена здесь стали называть авантюристом, самозванцем, который воспользовался расположением короля Людовика XV и выдает себя за его представителя. Недруги графа добились даже того, что король обнародовал меморандум об аресте и выдаче Сен-Жермена. В этом меморандуме говорилось, что его величество напоминает всем, что авантюрист Сен-Жермен не имеет и не имел никаких полномочий, но воспользовался добрым к себе отношением премьер-министра и начал совать нос в политические дела, не обладая для этого ни способностями, ни соответствующими знаниями, к тому же при этом нагло заявлял, что уполномочен представлять самые сокровенные интересы короля.

Всезнающий Вольтер писал о том, что Сен-Жермену было поручено подготовить подписание тайного мирного договора, направленного против Англии. Это никоим образом не входило в планы министра иностранных дел Франции герцога Шуазеля. Под риском провала оказались все его планы, его интриги против Англии. Он-то, видимо, и добился санкции против Сен-Жермена.

Надо заметить, что король мог издать этот меморандум, чтобы не раскрывать того, что Сен-Жермен был агентом «секрета короля», то есть глубоко законспирированной личной разведки монарха, помимо существующей официальной дипломатии. Своим личным агентам король доверял крайне деликатные миссии. О выполнении задания они докладывали ему лично – в случае неудач несли бремя ответственности, а при успехе оставались в тени.

Сен-Жермену удалось избежать Бастилии. Его тайно предупредили о грозящей опасности. Угроза ареста заставила графа бежать в Англию. Он бывал здесь и раньше, еще в 1745 году во время якобинской революции. Тогда его приняли за шпиона и арестовали. Хорас Уолпол, политик и родоначальник жанра готического романа, а попросту говоря, романа ужасов, писал в декабре 1745 года о том, что «на днях схватили одного странного человека, который называет себя графом Сен-Жерменом. Он живет здесь уже два года и наотрез отказывается говорить, кто он и откуда, но открыто заявляет, что Сен-Жермен – не настоящее его имя. Он прекрасно поет и играет на скрипке и совершенно безумен».

В этот раз, оказавшись вновь в Лондоне, он выступил в роли посредника, прекрасно разбирающегося во всех тонкостях положения дел во Франции и уполномоченного вести от ее лица переговоры. В те дни газеты писали о нем, что «человек, называющий себя графом Сен-Жерменом и недавно прибывший из Голландии, родился в Италии в 1712 году. По-немецки и по-французски он говорит не хуже, чем по-итальянски, и неплохо изъясняется по-английски. Он поверхностно знаком со всеми искусствами и науками, хорошо разбирается в химии, виртуозный музыкант и очень приятный собеседник».

Однако и на этот раз в нем заподозрили шпиона, и по приказу премьер-министра Питта он был арестован. Допрашивавший его чиновник заявил, что Сен-Жермен скорее похож на

лунатика, впрочем, со злыми намерениями. Решено было выслать его в Германию, в Берлин. Здесь довелось Сен-Жермену побывать и при дворе Фридриха Великого. На обедах в Сан-Суси за королевским столом он встречался со многими выдающимися людьми, возможно, даже с самим великим Вольтером, приглашенным Фридрихом, разыгрывавшим роль просвещенного монарха. Самого же Сен-Жермена прусский король называл загадочной личностью, человеком, которого никто не мог разгадать.

Репутация Сен-Жермена при прусском дворе как мага и кудесника особенно утвердилась после того, как он излечил мадам дю Труссель. Чудесный врачеватель избавил ее, по свидетельству знаменитого швейцарского доктора Ж.-Г. Циммермана, «от камня величиной с куриное яйцо». Про эту мадам, известную также под именем Красавица из Клейста, говорили, что она одна из самых привлекательных женщин при прусском дворе и что она обладает одним удивительным свойством – никогда не стареет. Уж не вкусила ли она, гадали придворные, эликсира бессмертия, которым угостил-де ее Сен-Жермен?

Вообще о его странствиях писали, что они «охватывали длительный период времени и большое число стран. Его знали от Персии до Франции, от Рима до Калькутты». Он будто бы имел убежище в сердце Гималаев, где периодически уединялся от мира. И многие верили, что он действительно побывал в загадочной стране Шамбале, расположенной на северных склонах Гималаев. «В сказаниях о Шамбале, в легендах, преданиях и песнях заключается, быть может, – писал в нашем веке великий Н. К. Рерих, – наиболее значительная весть Востока. Кто ничего не знает о жизненном значении Шамбалы, не должен утверждать, что он изучал Восток и знает пульс современной Азии».

Впервые о Шамбале упомянул португальский миссионер-иезуит Этьен Кацелла. Он умер в 1650 году в тибетском монастыре Шигадзе, прожив здесь 23 года. С тех пор Шамбала – обитель совершенных людей, страна счастья и благоденствия – не давала покоя европейцам. Находилась она будто бы посреди озера из нектара, и попасть на остров с его дворцами и садами можно только с помощью золотой птицы, которая переносит туда на своих крыльях.

Здесь якобы Сен-Жермен и познал в совершенстве эзотерические тайны Востока. Он практиковал восточную систему медитации; его неоднократно видели сидящим в позе Будды со скрещенными ногами и сложенными руками. Эти знания нашли воплощение в труде под названием «Святейшая Тринософия», одном из редчайших оккультных манускриптов, который приписывают Сен-Жермену. Как пишет М. П. Холл в предисловии к этому сочинению, об истории рукописи известно очень мало. Граф Калиостро возил ее с собой, а после того, как инквизиция упекла его в замок Сан Лео, рукопись была конфискована и следы ее временно утеряны. Вновь она возникла в эпоху Наполеона, оказавшись в руках одного из его генералов – Массена. Его сын продал рукопись во время распродажи имущества отца. Купила ее библиотека города Труа, где она хранится и поныне.

М. П. Холл, изучавший жизнь Сен-Жермена и это его сочинение, говорит, что граф является, без сомнения, наиболее сложным персонажем истории. Его имя было столь близко к синониму тайны, что загадка его истинной личности была неразрешима как для его современников, так и для более поздних исследователей. О нем писали, что «он позволяет некоторой тайне парить над ним – тайне, которая будит любопытство и симпатию». И что, «будучи виртуозом в искусстве введения в заблуждение, Сен-Жермен не говорит ничего, что было бы неправдой. Он обладает редким даром хранить молчание и пользоваться этим».

Граф Сен-Жермен играл на многих инструментах, особенно предпочитал скрипку. Выступал обычно под именем Джованнини и в маске. Случалось, дирижировал даже целым оркестром, причем без партитуры. Некоторые склонны были считать его мастерство равным мастерству Паганини.

Композитор Жан Филип Рамо был просто потрясен игрой этого дилетанта, в особенности же его импровизациями. К тому же он сам писал музыку. В Британском музее хранятся ноты его музыкальных сочинений – скрипичных пьес, романсов и даже небольшой оперы «Ветренная Делуза». Все эти рукописи изучены и описаны, их подлинность не

подлежит сомнению.

Известен был Сен-Жермен и как художник. Он владел особым секретом красок, которые светились в темноте необычайным светом. Увы, ни одна его картина до нас не дошла.

Память у него была феноменальная, и он мог повторить несколько страниц печатного текста, прочтя их всего один раз. Писать ухитрялся обеими руками одновременно, причем зачастую одной рукой набрасывал любовное письмо, а другой – стихи.

Ну и, конечно, поразительны были познания графа в физике и химии. Он пользовался особой благосклонностью дам французского двора как непревзойденный мастер в приготовлении красителей и косметики. В Италии граф проводил опыты по улучшению выделки льна, разработал новый способ очистки оливкового масла – плохое превращалось в рафинированное высшего качества. По новейшей технологии занимался изготовлением шляп по просьбе графа Кобензля, австрийского посла в Бельгии. Это было в бельгийском городе Турнэ.

Там же однажды проездом оказался и граф Казанова. Под именем шевалье де Сейнгала знаменитый сердцеед путешествовал по Европе. Елена Блаватская красочно описывает встречу «двух авгуров». Сен-Жермен «в полном костюме чародея: в армянской мантии, остроконечной шляпе, с длинной бородой до пояса и с палкой из слоновой кости в руках... окружен легионом склянок и занят развитием производства шляп на основе химических законов. Так как Сейнгал нездоров, граф вызывается бесплатно вылечить его и предлагает принять в качестве лекарства эликсир, оказавшийся эфиром, но тот в любезных выражениях отказывается...

Раз ему не позволили действовать как врачу, Сен-Жермен решил показать свою силу как алхимик. Взяв монету в 2 су, положил ее на раскаленный докрасна древесный уголь и работал паяльной трубкой; монета расплавилась и осталась остывать. «Теперь, – говорит Сен-Жермен, – забирайте свои деньги». – «Но она же из золота!» – «Из чистого». Казанова не верит в превращение и смотрит на всю операцию, как на трюк, но тем не менее кладет монету в карман и впоследствии дарит ее прославленному маршалу Кейту, тогдашнему губернатору Нишателья».

В другой раз граф-чудодей прописал особый «чай Сен-Жермена» самому Людовику XV, поскольку знал тайну лекарственных трав и готовил из них целебные отвары. Многие биографы Сен-Жермена отмечали особенности его собственного питания. Он всегда обедал один и при этом ел очень простую пищу. Диета, утверждал он, плюс его чудодейственный эликсир – вот подлинный секрет долголетия. И хотя его приглашали на самые пышные пиршества, он решительно отказывался от любой пищи, кроме той, что была приготовлена специально для него и по его собственным рецептам. Его трапеза состояла в основном из овсяной каши, крупяных блюд и белого мяса цыплят. Известно, что в редких случаях он выпивал немного вина и всегда принимал чрезвычайные меры предосторожности против простуды.

В парижском доме графа Сен-Жермена служили два камердинера, четыре лакея, одетых в табачного цвета ливреи с золотыми галунами. Он держал экипаж за пятьсот франков в месяц. Его гардероб состоял из множества сюртуков и камзолов, которые он часто менял, – целая коллекция, роскошная и дорогая. Но ничто не могло сравниться по великолепию с его пуговицами, запонками, часами, кольцами, цепочками, украшенными бриллиантами и другими драгоценными камнями. К ним он испытывал особую страсть и мог часами рассказывать всякие забавные истории о драгоценных камнях, особенно об алмазах. Больше того, используя свои познания и мастерство химика, ему, как утверждали современники, удавалось «вылечить» бриллианты, устранить в них трещины или какой-либо иной изъян.

Неудивительно, что многие верили в его чудесные способности, в то, что камни сравнительно небольшой ценности превращались в драгоценности чистой воды после того, как они побывали в руках Сен-Жермена. И никого не удивляло, что за столом на его

званных обедах гости находили рядом с именной карточкой, указывающей их место, какую-нибудь драгоценность.

МАСКАРАДЫ МАДАМ ПОМПАДУР

Как стать фавориткой

Современники графа Сен-Жермена отмечают, что как историк он обладал чуть ли не сверхъестественным знанием обо всем, что случилось за последние две тысячи лет, и в своих устных рассказах описывал до мельчайших подробностей события предыдущих веков. На званных обедах в домах аристократов, куда его с удовольствием приглашали, он потчевал присутствующих рассказами о своих невероятных приключениях в далеких странах или об историях из личной, интимной жизни великих людей, французских и иных королей, с которыми, как он заявлял, ему доводилось встречаться и при дворе которых бывал сам. А однажды даже обмолвился, что владел посохом или жезлом, с помощью которого Моисей извлек воду из скалы. При этом ничтоже сумняшея добавил, что посох ему подарили в Вавилоне. И тут же сыграл коротенькую мелодию на клавикордах. На вопрос, что это за музыка, граф небрежно отвечал, что не знает и что в первый раз он ее слышал при вступлении Александра Македонского в Вавилон.

Авторы мемуаров, рассказывающие обо всем этом, теряются в догадках, каким же свидетельствам графа можно доверять. Поразмыслив, приходили к выводу, что большинство рассказов Сен-Жермена взяты из каких-либо источников, например из мемуаров Брантома, Сен-Симона и других воспоминаний, тогда уже вполне доступных. Но, с другой стороны, сведения, сообщаемые им, были столь точными, а знания столь необыкновенными, превосходными во всех отношениях, что слова его обладали особой силой убеждения. И ему верили.

Если восстановить некоторые из его рассказов, то тем самым можно заполнить, хотя и косвенно, кое-какие прорехи в его собственной лоскутной биографии и в жизни тех, кто с ним был знаком и мог общаться.

Знаток истории, почитавшийся к тому же как маг и чудотворец, Сен-Жермен умел использовать впечатление, которое производил своими рассказами о случаях из жизни давно умерших исторических деятелей, как, впрочем, и о современниках. Одной из тех, кто поддался его чарам, была всесильная фаворитка Людовика XV мадам Помпадур. Ему была хорошо известна ее собственная история возвышения при дворе.

...В Париже в 1730 году мадам Лебон, модная тогда гадалка, вглядывалась в карты, пытаясь увидеть судьбу сидящей перед ней клиентки, затем повернулась к ней и на минуту задумалась.

Клиенткой была мадемуазель Пуассон, красавица и большая кокетка, дочь мясника, жена поставщика продуктов.

Молодая женщина держала за руку очаровательную девочку девяти лет, Жанну-Антуанетту, раздетую, как тогда одевали детей, – иными словами, как взрослая. Именно ее судьбу и пыталась прочитать гадалка.

Мадам Лебон помолчала минуту, а потом изрекла:

– Ваша дочь, мадам, не станет королевой, но станет почти королевой...

Опьяненная счастьем, мадам Пуассон поцеловала ребенка со слезами радости на глазах.

– Маленькая королева! Маленькая королева! Любой француз того времени сразу бы понял, что значит быть «почти королевой». Это означало, что Жанна-Антуанетта когда-нибудь станет любовницей короля! Счастье, о котором мечтали многие матери для своих дочерей...

Многие «осчастливленные» имели мужей, которые в те времена легких нравов мирились с таким положением.

Но Людовик XV, в отличие от своих предшественников, несмотря на свои двадцать лет, обожал только свою жену Марию Лешинскую. Она родила ему пятерых детей, и, казалось, король не собирался устанавливать должность вице-королевы или почти королевы, как это делал Людовик XIV. Все это придет позже...

Но Жанне-Антуанетте было только девять лет, так что до исполнения предсказания мадам Лебон впереди было несколько лет... Месье Пуассон, по его собственным словам, «отец будущей шлюхи короля», в это время скрывался от правосудия в Бельгии, так как во Франции был приговорен к повешению за одно крупное мошенничество. Он оставил мадам Пуассон выпутываться из его дел, предполагая, со смирением и грустью, что такая красotka быстро устроит свою судьбу. И он был прав. Вскоре она сошлась с богатым откупщиком – месье Ленорманом де Турнеэм, который принял ее в свой дом с двумя детьми. Он ни на минуту не сомневался в предсказании мадам Лебон, и маленькая Жанна-Антуанетта воспитывалась, как будущая «почти королева». Месье Желиотт обучал ее игре на клавесине, месье Гебоде – танцам, а знаменитый Кребийон учил искусству декламации.

Она стала красавицей, какую и вообразить нельзя: великолепная белоснежно-перламутровая кожа, на которой не было видно теней, так как она сама как бы светилась. И потом можно было прибавлять и прибавлять прилагательные в превосходной степени... Идеальный овал ее лица восхищал, глаза с золотистыми искорками, сочные губы, которые она покусывала время от времени, чтобы оживить их цвет, густые светло-каштановые волосы, тонкая и гибкая талия, хрупкое тело, но округленное там, где положено... К тому же молодая девушка была то спокойна, то весела, то лукава, то рассудительна – и всегда остроумна. Ее ум и уверенность в собственной правоте всегда слышались в ее речах. Настоящая маленькая королева!

Но сначала она досталась не королю. Месье Турнеэм, желая иметь постоянно перед глазами это произведение искусства природы, в марте 1741 года выдал Жанну-Антуанетту за своего племянника – казначея монетного двора Нормана д'Этиоля. За девушкой он дал богатое приданое, дом в Париже и право на пользование замком рядом с лесом Сенар. Ее муж не только был некрасив, но и не придавал никакого значения предсказанию гадалки. Он громко хохотал, когда его жена при нем охлаждала пыл множественных ухажеров, заявляя:

– Я никогда не изменю моему мужу, если только с королем.

Жанна-Антуанетта как раз верила картам. И уже долгие годы была влюблена в Людовика XV...

Король охотился в лесу Сенар. На месте общего сбора, на огромной поляне, собрались жители окрестных замков, которые должны были следовать за охотой. В первых рядах была мадам Норман д'Этиоль, одетая во все розовое. Она держала в руках поводья горячей лошади, запряженной в элегантный маленький фаэтон небесно-голубого цвета.

Вокруг было очень шумно. Кроме приглашенных на поляне находились на привязи две или три сотни собак, за которыми следили доезжачие на лошадях (доезжачий – старший псарь) и специальные слуги. Появилась карета короля, запряженная восьмеркой лошадей, в окружении личной охраны. Впереди кареты ехали жандармы, позади – мушкетеры. Оруженосцы, пажи и конюхи шли рядом с каретой, а поодаль, за кортежем короля, катила целая вереница экипажей. Поляна расцвела красным, голубым и золотым цветом. Король вышел из кареты и, прежде чем сесть на коня, оглядел всех присутствующих. Глаза его задержались на красивой женщине в розовом. Уже не впервые он обращал на нее внимание. Каждый раз, отправляясь на охоту в лес Сенар, он был уверен, что увидит маленький голубой фаэтон.

Как и обычно, перед тем как протрубили начало охоты, мадам д'Этиоль старалась быть на глазах у короля. И он опять обратил внимание на красавицу в розовом, которая не опускала глаз, когда он на нее смотрел. В этот же вечер, возвращаясь с охоты в карете с мадам Шатору, они разговорились об «этой д'Этиоль». «Краса Парижа» жила, казалось, вне общества, но принимала у себя писателей, философов, нескольких откупщиков налогов... Знает ли король, что она влюблена в него? Она отказывается обманывать своего простака

мужа, так как бережет себя для короля! Король слушал все это и улыбался, он был польщен.

– Сегодня, – продолжила мадам Шатору, – она мне показалась даже красивее обычного...

В замке д'Этиоль узнали новость, которая потрясла даму в розовом: король серьезно заболел и слег в Меце. Все королевство молилось за него. Луи был совсем плох и не надеялся выжить. Он исповедовался, сделал необходимые распоряжения и отослал мадам Шатору. Через неделю ему вдруг стало лучше, он начал выздоравливать и вызвал обратно фаворитку.

– Ах, он опять с этой... – злились простолоудинки, – пусть только опять заболит, мы не будем за него молиться!

Но заболел не король, а мадам Шатору. Она умерла через пять дней после возвращения в Версаль. Место «почти королевы» было свободно...

Король казался безутешным, и, чтобы его развлечь, камергер Бине, дальний родственник мадам д'Этиоль, пересказывал ему последние сплетни. Все женщины Парижа оспаривали сердце Его Величества. Как описывал один хроникер, число соискательниц было огромно. Все, что могли природа и искусство использовать для успешного соблазнения, было использовано. Торговцы, парикмахеры, портные работали днем и ночью. Все женщины вдруг стали вдовами и готовились к новому «замужеству». Никогда еще не продавали столько ткани, лент, кружев, украшений и духов. Все мыли и чистили перышки, чтобы быть наготове...

Это соревнование, в котором он был призом, развеяло «вечную скуку» короля. Была еще красивая мадам Рошуар, первая в рядах кандидаток. Но король сделал гримасу. Опять она! Он ее уже сто раз отвергал... И, как злословили при дворе, герцогиня «была, как лошади из малой конюшни, всегда готовые, никогда не нужные». И вот тут Бине назвал имя мадам Норман д'Этиоль. Да! Да! Дама в розовом! Дама из голубого фаэтона! Дама из леса Сенар! Та, что влюблена в него и не желает изменять мужу ни с кем, кроме как с королем!

– Она стремится лишь понравиться тому, кто ей нравится!

Приблизить к себе мещанку! Почему бы и нет? Мещанку легче бросить, чем придворную даму, которую видишь каждый день со слезами и мольбой в глазах.

Через несколько дней король женил своего сына на испанской инфанте. В ночь на 27 февраля 1745 года весь Париж отправился на бал-маскарад в Версале. В веселящейся огромной толпе смешались арлекины, турки, скарамуши, пастухи и пастушки. Еще там были семь чудищ – на рамах были укреплены огромные круглые головы, они передвигались, переваливаясь из стороны в сторону. Одна из них скрывала короля.

Наша красавица, конечно, узнала короля и позволила одной из голов увлечь себя в пустую гостиную, где и свернулась клубочком на зеленых листьях диванных подушек... Она не сомневалась, что будет преемницей мадам Шатору! Когда же «поцарапанная ветвями» и слегка помятая Жанна храбро вернулась на Зеркальную галерею, она вскрикнула от изумления, а ее партнер поспешил удалиться: король был там, и без маскарадного костюма!

Но он разговорился с мадам д'Этиоль, попросил Жанну-Антуанетту снять маску... Она подчинилась и открыла свое сияющее лицо. Король спросил ее, не поедет ли она завтра на бал в ратушу? Молодая женщина ничего не ответила, но, улыбаясь, устремилась прочь, уронив свой кружевной платочек. Король поднял его и бросил ей обратно. По толпе пробежал шепот: «Платок брошен!»

На следующий день был черед Парижа принимать Версаль. Король прибыл в ратушу инкогнито, в черном домино, в сопровождении одного герцога д'Айена в такой же маске.

Давка и толкотня были еще больше, чем накануне на балу в Версале. Невозможно было ни пройти, ни подняться, ни спуститься по лестницам ратуши. Залы переполнены, там нечем было дышать, дамы падали без чувств...

Король хотел было уже ринуться в толпу, но тут он заметил мадам д'Этиоль – без маски и в черном домино, которое выгодно подчеркивало великолепный цвет ее лица.

Один угодливый чиновник впустил короля в свой кабинет. Неужели эта интрига

закончится столь банально, меж двух глотков шампанского? Но надо было знать Жанну-Антуанетту! Она имела холодную голову. Впрочем, как и чувства... Жанна-Антуанетта позволила королю некоторые вольности, но не более, чем это было принято» на маскараде...

Вечером, возвращаясь с бала, все еще в сопровождении герцога д'Айена и держа под руку мадам д'Этиоль, Луи кликнул фиакр.

– Куда я должен вас отвезти? – спросил король.

Он ожидал, что она ответит: «Куда хотите». Но услышал:

– В дом моей матери.

Это было неожиданно, король улыбнулся, и забавно. Король! В фиакре! С молоденькой мещанкой, которую он провожает до дома матери! С какой-то Пуассон, дочерью мясника!

Пока экипаж трясся по булыжникам мостовой, он немного приблизил свою победу. Ее губы... И всего лишь один поцелуй в грудь у самого края корсажа. А герцог д'Айен упорно смотрел в окошко. Вдруг фиакр остановился на перекрестке – полицейский сержант не разрешал проехать.

– Дайте луидор кучеру, – приказал король, – и он проедет!

– Один луидор? – воскликнул герцог. – Поостерегитесь, Ваше Величество, завтра же полиция об этом узнает, начнет разносить, куда мы ездили, и раскроет ваше инкогнито! Вполне достаточно одного эю!

Кучер подхлестнул лошадь, и Людовик XV отвез будущую фаворитку к матери...

Только через несколько дней, чтобы придать больше веса своей капитуляции, Жанна-Антуанетта осуществила свою мечту, к которой стремилась столько лет: отдалась тому, кого она любила всей душой...

Но как злословили придворные:

– Если это и случилось, то это удовлетворение минутного желания, она не станет любовницей.

«Минутное желание» – только на первый взгляд. Но двор не знал о настоящей драме той, которой король тут же придумал милое имя – Помпадур. Она была бесчувственна к его ласкам! «Мадам холодна и не испытывает радости от любви», – говорила ее служанка. Жанна заставляла себя пить горячий шоколад с ванилью, ела много трюфелей и переперченные блюда. Такой подогрев чувственности не дал никакого результата, кроме проблем с желудком.

– Моя дорогая, – поделилась своими опасениями мадам д'Этиоль со своей подругой, мадам де Бранка, – я боюсь потерять любовь короля. Мужчины придают слишком много значения некоторым вещам. А у меня, к несчастью, холодный темперамент.

Она стала часто плакать.

– Вы знаете, что со мной случилось неделю назад? Король под предлогом, что ему жарко, лег на мою кровать и провел со мною часть ночи. Я ему быстро надоем, и он возьмет другую!

– Вы не избежите этого, – ответила мадам де Бранка, – продолжая вашу странную диету, а только убьете себя. Сделайте лучше так, чтобы король дорожил Вашим обществом, будьте нежны, не отталкивайте его, и время все исправит. Цепи привычки свяжут вас навсегда.

Цепи привычки? Другая женщина, Марсель Тинейр, раскрывает нам еще один секрет мадам де Помпадур, которым она пользовалась многие годы:

«Когда король поднимался в «комнаты наверху», каждый раз его встречала новая женщина, но с тем же лицом. Это была та же, столь знакомая, – и всегда другая: садовница в соломенной шляпке; султанша в широких шелковых шальварах и в кофточке с пуговицами, расстегнутыми на шее; придворная дама – почти величественная; молодая веселая женщина или мечтательная рассказчица разных историй. Это выгодно отличало ее от других придворных дам.

Из своих слабостей мадам де Помпадур создала тайное оружие силы. За свою жизнь

она видела столько людей, столько всего узнала, о чем Людовик и не догадывался. Она освободилась от предрассудков, столь стесняющих герцогинь в любви. Жанна умела музицировать, рисовать, элегантно одеваться, искусно вести беседу – талант, приобретенный в школе Вольтера и Фонтенелли. Эта гениальная выскочка имела все черты истинной парижанки, которая может родиться в грязи и подняться до ступеней трона. Она умела приспособливаться ко всем ситуациям, если надо, быть влюбленной, актрисой, политиком, куртизанкой и даже благочестивой мамашей семейства, но всегда и прежде всего оставаться женщиной, которая хочет нравиться и нравится мужчинам». Жанна-Антуанетта стала не минутным увлечением, а полноправной любовницей!

Ленорман д'Этиоль смирился и согласился с грустью, но без возмущения, с приказом, который 15 июня 1745 года лишил его жены.

14 сентября 1745 года маркиза Помпадур пережила ужасную церемонию представления ко двору.

– Кто та, которая посмеет представить такую женщину королеве? – спрашивал аббат д'Эди у принцессы Конти, кузины короля.

– Ах, аббат, – ответила, смеясь, принцесса, – не спешите судить, так как это буду я!

Мадам Конти жаждала милостей и денег... Одетая в тяжелое парчовое платье, мадам Помпадур сделала три реверанса: королю, который покраснел, глядя на нее, королеве, которая была очень любезна с ней, и дофину, который показал ей язык...

В этот же вечер экс-мадемуазель Пуассон отправила шестьсот ливров мадам Лебон, предсказавшей когда-то, что она станет любовницей короля – «почти королевой» Франции, которой она и была больше двадцати лет, до самой своей смерти.

Роковой огонь бриллиантов

Граф Сен-Жермен был постоянным посетителем салона мадам Помпадур, и она много времени проводила с этим умным человеком. Он развлекал ее разными историями, в том числе любовными, она верила в них, как ребенок старается верить в волшебство фокусника, чтобы удовольствие от представления стало еще больше. Об искусстве Сен-Жермена-рассказчика она говорила: «Глубокое знание всех языков, древних и современных; необыкновенная память; эрудиция, проблески коей можно уловить среди непостоянства его беседы, всегда забавной, а временами и весьма увлекательной; неисчерпаемый дар изменять тон и предмет разговора; способность быть неизменно оригинальным и придавать самым тривиальным беседам элемент неожиданности делает его великолепным рассказчиком. Иногда он передавал анекдоты о дворе Валуа или принцев более отдаленных эпох с такою точностью в деталях, что казалось, будто он сам был очевидцем того, что описывал».

Как-то мадам Помпадур призналась Сен-Жермену, что если бы ей не посчастливилось жить при дворе собственного короля, то она выбрала бы двор Франциска I. И спросила графа, не приходилось ли ему встречаться с этим просвещенным монархом? Сен-Жермен поведал мадам Помпадур о событиях при дворе Франциска I так, «будто видел их собственными глазами, описывая в точности внешность короля, имитируя его голос, манеры и речь – и в течение всего повествования делал вид, словно был их очевидцем».

Однажды граф Сен-Жермен развлекал, как обычно, гостей мадам Помпадур своими историческими анекдотами. Внезапно в салоне появился сам Людовик XV, спустившийся по потайной лестнице из своих апартаментов на втором этаже. С присущей ей грацией мадам Помпадур представила Сен-Жермена королю. Он, конечно, был уже наслышан о таинственном графе, тем любопытнее ему было познакомиться с ним лично.

Во время завязавшейся беседы у них обнаружили общие увлечения, склонность к точным наукам, к астрономии, анатомии, химии. Потом говорили, что граф, благодаря королю, оборудовал в Версальском парке лабораторию, в которой король «баловался опытами».

Мадам дю Оссет, горничная маркизы де Помпадур с 1747 года и ее доверенное лицо, в своих воспоминаниях рассказывает о таком случае.

Однажды граф Сен-Жермен пришел к мадам Помпадур, когда у нее собрался чуть ли не весь двор, пораженный роскошью туалетов и сверкавший драгоценными камнями. Но всех превзошел граф Сен-Жермен. Пряжки его башмаков и подвязки были усеяны чистыми бриллиантами такой великолепной красоты, что Помпадур выразила сомнение в том, что камни на пряжках короля могут сравниться с ними. Тогда граф вышел в гардероб, снял обувь и принес ее, чтобы все могли рассмотреть бриллианты. Знатки тут же определили их цену – они стоили не меньше двухсот тысяч франков. При графе, пишет дю Оссет, была в тот день и баснословно дорогая табакерка, и сияющие рубиновые запонки.

Спустя несколько дней, рассказывает де Оссет, между королем Людовиком XV, мадам Помпадур и графом Сен-Жерменом произошел разговор о том, можно ли вылечить «больной» бриллиант.

«Король приказал принести бриллиант среднего размера с изъяном – пятном на нем. Камень взвесили, и король сказал графу: «Этот бриллиант, даже учитывая его изъян, стоит шесть тысяч ливров; без этого дефекта его цена, по меньшей мере, десять тысяч. Не можете ли вы мне получить эти недостающие четыре тысячи?» Сен-Жермен очень внимательно осмотрел камень и ответил: «Да, это возможно. Через месяц я принесу Вам бриллиант без пятна».

В назначенный срок граф Сен-Жермен принес королю бриллиант – пятна на нем не было. Камень был завернут в льняную материю, его тут же взвесили. Оказалось, что вес его уменьшился на самую малость. Король попросил мсье де Гонто отнести бриллиант к своему ювелиру и не рассказывать ему ничего о происшедшем. Ювелир оценил бриллиант в девять тысяч шестьсот ливров.

Король, однако, пожелал оставить бриллиант и сказал, что сохранит его, как диковинку. Он не мог скрыть своего удивления и заметил, что мсье Сен-Жермен, должно быть, владеет миллионами, особенно если ему известен секрет, как из небольших камней сделать большие. Граф не ответил на это ни «да», ни «нет», но с уверенностью сказал, что может увеличивать и очищать жемчуг. Король с вниманием слушал его, как и мадам Помпадур. Мсье де Кесной как-то заметил, что Сен-Жермен мошенник, но король отчитал его за это. Похоже, что он покорен графом, и иногда говорит о нем, как об очень высокородной особе».

В доме Сен-Жермена хранилась целая коллекция драгоценных камней и бриллиантов удивительных размеров и красоты. Об этом свидетельствует барон Гляйхен. По его словам «там были чудеса, достойные пещеры Аладдина», например, опал чудовищных размеров и белый сапфир величиной с яйцо, яркость которого затмевала все остальные камни. Барон, знавший толк в камнях, заверял, что не было причин сомневаться в драгоценности этих камней, тем более что они не были оправлены.

Тот же Гляйхен предположил, что графу Сен-Жермену, наверное, были известны указания итальянца Д. Кардано (XVI в.), изложенные им в его книге «Тонкости», о том, как придать различным камням прозрачность алмаза. Возможно и то, что граф «знал некоторые химические секреты, особенно секреты изготовления красителей, красок для тканей, в частности редкой красоты краски под золото. Возможно даже, он сам сотворил те камни, которые были в его коллекции и о драгоценности которых можно было судить, лишь распилив их».

Сам Сен-Жермен говорил, что своими познаниями о драгоценных камнях он обязан своим путешествиям в Индию в 1737–1742 годах и в 1755 году вместе с генералом Клайвом, служившим под началом вице-адмирала Уотсона. Во время своего первого путешествия в эту страну он находился при дворе персидского шаха и, вероятно, уже тогда научился искусству разбираться в бриллиантах и драгоценных камнях, ибо, по его же собственным словам, здесь он начал постигать тайны природы.

Все авторы, как бы они ни относились к Сен-Жермену, сходятся на том, что он владел

секретом облагораживания драгоценных камней.

Верно сказано, «только тот, кто путешествует, делает великие открытия». Автор этой сентенции граф Ламберг, знавший Сен-Жермена, подтверждает, что, по собственным словам графа, он был знаком с Томас-Кули-ханом, то есть с персидским Надир-шахом (1688–1747), завоевателем Индии.

Об Индии – стране чудес, в которой находятся сказочные сокровища, Сен-Жермен прочитал в книге путешественника и ювелира Жана-Батисты Тавернье. За сто лет до Сен-Жермена он побывал в Индии и написал об этом в книге «Шесть странствий в Индию» (1676). В ней много места автор уделил описанию алмазов, их добыче и судьбе, рассказал о поистине драматических историях, о похищениях, роковом возмездии, убийствах. Тавернье снабдил книгу рисунками драгоценных камней, которые ему довелось увидеть в сокровищнице Великих Моголов – династии, правившей в Индии с 1526 по 1858 год. Рассказал он и о том, где издавна добывают знаменитые алмазы, – в долинах рек на юге Индии близ Голконда. Тогда это был богатейший город и мощная крепость, огражденная поясом неприступных стен.

Нескончаемой вереницей тянулись сюда караваны с товарами, шумели многоголосьем рыночные площади, день и ночь толпился народ около караван-сараяв, а в роскошных дворцах и чудесных садах слышалась волшебная музыка.

Это была та самая сказочная страна загадочного Востока, страна чудес и несметных богатств, о которой веками грезили европейцы. Лишь одиночкам, главным образом миссионерам, удавалось добраться сюда по суше, преодолев невероятные трудности и опасности, таким, скажем, как Карпини, Рубрук, Марко Поло и другим создателям ранних глав великого приключения человечества – познания земли, оставивших описание своих странствий. Первым из европейцев достиг Голконды в 1565 году португалец де Орта, служивший при вице-короле в Гоа – португальской колонии, а в 1622 году здесь побывал англичанин Метгольд.

Черпали европейцы сведения и у античных авторов Птолемея и Плиния.

В рассказах древнегреческих писателей привлекали прежде всего сообщения о таинственных, мифических странах и чудесах, которыми они знамениты. У Гомера поражало описание страны одноглазых циклопов, а у Лукиана – легенды об «индийских чудесах». Образы чудес загадочной Индии авторы нередко преподносили как достоверные свидетельства очевидцев, а подлинные сведения землепроходцев и мореходов, бывало, «переосмысливали» в традиционном ключе, стремясь лишь к тому, чтобы поразить чудесами впечатлительных современников.

Можно представить, как действовали на воображение, пребывавшее в плену тогдашних представлений, «свидетельства» об изрыгающих пламя дьяволах, обитающих в загадочной Индии, где якобы находилось и «Царство пресвитера Иоанна». Следуя легенде, капитан Себастьян Кабот на своей карте поместил эту святую землю обетованную «в восточной и южной Индии». И не случайно Рабле, в эпоху которого легенда эта продолжала возбуждать всеобщий интерес, писал о предполагаемой женитьбе Панурга на дочери «Короля Индии», пресвитера Иоанна. Намечал автор «Пантагрюэля» и путешествие своего героя в эту страну, где будто бы находился вход в преисподнюю.

Необходимо было отыскать морской путь в Индию.

Первыми осваивать этот маршрут начали португальцы (если не считать древних финикийцев и карфагенян) еще со времен Генриха Мореплывателя – португальского принца, целью жизни которого стало проложить морской путь в Индию. Ради своих дерзких, а тогда едва ли не фантастических планов неутомимый Генрих одну за другой снаряжал армады в сторону Моря Мрака, как со страхом называли в те времена неизведанные просторы Атлантики. Именно он, Генрих Мореплыватель, в первой половине XV столетия заложил основы будущей широкой колониальной экспансии португальских конкистадоров. И именно ему довелось «впервые углубить в незнаемый предел торжественный полет тяжелых каравелл...».

Наитруднейшим препятствием был мыс Бохадор – самая южная точка на западном африканском побережье, известная тогда географической науке. На пути к этому мысу приходилось преодолевать коварные отмели, взрывающие поверхность воды на многие километры вокруг, которые, как считали, отбрасывали корабли в открытое море. Не менее страшными были и басни об ужасающих чудовищах, обитающих в море за этим мысом, о том, что всякий, кто осмелится пройти мимо Бохадора, непременно обратится в пепел или будет сварен заживо, и другие суеверия, способные отпугнуть любого смельчака. Когда же каравелла Жила Эаннеша в 1434 году прошла страшный Бохадор, то оказалось, что море за ним нисколько не отличается от обычного, а земля покрыта теми же, что и в Португалии, растениями.

Преодолев этот рубеж, португальцы отважно устремились на юг, опровергая древние небылицы и отменяя страх, так долго удерживающий их на пути в Индию. А еще через полвека Бартоломеу Диаш воплотил заветную мечту европейцев – обогнул мыс на самой южной оконечности Африки. Он назвал его мысом Бурь из-за ужасных штормов, которые пришлось выдержать, огибая его. Но король дал этому мысу другое, приятное название – мыс Доброй Надежды, то есть надежды на то, что теперь наконец-то будет найдена морская дорога в желанную Индию. Там, верили, обнаружат загадочное «Царство пресвитера Иоанна» – святую землю обетованную и легендарную страну Офир, откуда библейский царь Соломон за три года вывез десять тонн золота, серебро и слоновую кость для храма в Иерусалиме. Несметные сокровища таинственной страны Офир много веков не давали покоя, будоражили воображение. «Золото» было тем магическим словом, которое заставляло, рискуя, преодолевать бурное, коварное море, плыть в неизвестность за несметными сокровищами.

Представления о сказочных странах, населенных фантастическими существами, отразились и в творчестве других писателей. Отелло, рассказывая венецианскому Совету о своих скитаниях, о больших пещерах и степях бесплодных, упоминает и об «антропофагах – людях с головами, что ниже плеч растут». Легенды о призрачном острове Св. Брандана вдохновляли Т. Тассо при описании садов Армиды в поэме «Освобожденный Иерусалим». Описание «индийских чудес» встречается у многих литераторов. Современники Свифта были уверены в реальном существовании тех стран и народов, о которых рассказывал капитан Гулливер. Эту уверенность разделяли и по отношению к Утопии – стране, описанной Т. Мором, и даже намечали послать миссионеров на остров Тапробана (Шри Ланка), где, кстати говоря, предполагали заодно обнаружить и город Солнца, придуманный Т. Кампанеллой.

* * *

Наряду с вымышленными, фантастическими описаниями заморских стран, выходили и подлинные. К их числу принадлежали и упоминавшиеся уже странствия Тавернье, а также записки об Индии Франсуа Бернье, французского путешественника и придворного врача индийского правителя Аурангзеба, прожившего при нем целых восемь лет до 1665 года.

Впрочем, когда Тавернье вернулся из Индии и рассказал в своей книге о несметных сокровищах Голконды, ему никто не поверил. Так и прослыл бы он фантазером, если бы не продал за 250 тысяч ливров Людовику XIV голубой бриллиант неслыханной величины и красоты, добытый в копиях Голконды.

После этого не было оснований не верить Тавернье, что он видел в Голконде бриллиант «Великий Могол» весом 280 каратов (1 карат = 0,2), описанный им в книге.

Этот камень, как полагают, был извлечен из земли в Коллурских копиях, неподалеку от Голконды, около 1650 года, то есть при Шах-Джехане, пятом императоре из династии Великих Моголов. Сын этого правителя и его преемник с 1658 года по имени Аурангзеб продемонстрировал этот бриллиант Тавернье. В своей книге он пишет: «1 ноября 1665 года я пришел во дворец, чтобы попрощаться с королем. Он прислал мне записку, в которой

сообщал о своем нежелании прощаться со мной без того, чтобы я не осмотрел его драгоценные камни. Рано утром на следующий день ко мне пожаловали пять или шесть офицеров от набоба Джафера-хана, чтобы проводить меня к королю. Когда я прибыл во дворец, то два хранителя королевских сокровищ проводили меня к Его величеству. После обычных в таких случаях продолжительных приветствий они отвели меня в комнату, в самом дальнем конце которой восседал на своем троне король. В комнате находился также Акель-хан, главный хранитель королевских сокровищ. Увидев меня, он отослал четверых евнухов за драгоценностями. Они вернулись с двумя лаковыми подносами с изображением золотого цветка. Подносы были покрыты маленькими накидками из красного и зеленого бархата. Перебрав несколько раз драгоценности и пересчитав их, три писца составили тут же их полное описание...»

Первым бриллиантом, который Акель-хан предложил Тавернье рассмотреть, был большой камень, ограненный розой (вид огранки) и имеющий форму половинки разрезанного яйца. На нижней стороне он заметил легкую трещину и желтый изъян в нем. Но в общем это был бриллиант отличной воды, весом 319,5 рати, что составляет 280 каратов, «Я узнал, – пишет далее Тавернье, – что этот камень подарил Шах-Джехану переметнувшийся к нему и предавший своего господина короля Голконды Мир-Джумла. Но тогда это был необработанный камень весом в 787 каратов и в нем было несколько изъянов».

Тавернье довелось увидеть в Индии многих гранильщиков алмазов, которые, однако, не обладали, как он заметил, большими познаниями и не были более искусны по сравнению с европейскими мастерами, один из которых – Луи Беркен еще в 1476 году первым применил способ шлифовки алмазов металлическими дисками с алмазным порошком. Но то, что умели делать индийцы и в чем, они, видимо, превзошли европейцев, так это искусство скрывать пороки драгоценного камня, нанося на него множество мелких граней. Первоначальная же форма камня оставалась неизменной. Индийские гранильщики использовали вертикальное колесо для шлифовки и полировки камней, вращая его при помощи ремня, который приводился в движение рукой через шпиндель, в то время как другая рука прижимала камень к плоскости колеса. При таком способе невозможно было добиться, чтобы грани были по-настоящему плоскими. (Возможно, именно секретами индийских мастеров владел Сен-Жермен и поэтому смог на удивление всем излечить бриллиант Людовика XV.)

Если бы алмаз «Великий Могол» оказался в Европе, говорит Тавернье, то его обработали бы по-другому. А так он был довольно сильно стерт, и вес его значительно уменьшился. После шлифовки мастера обвинили в том, что он запорол камень, и император, не заплатив за работу, вместо этого оштрафовал его на десять тысяч рупий. (Сегодня местонахождение этого бриллианта неизвестно.)

И еще об одном бриллианте Тавернье пишет как о самом крупном, который ему когда-либо приходилось видеть, но который купить не удалось. Его стоимость была 500 тысяч рупий или 750 тысяч ливров, а француз мог предложить лишь 400 тысяч. Возможно, это был знаменитый «Кох-и-Нур».

Об этом бриллианте шла дурная слава. Из восемнадцати правителей, владевших этим камнем, одних предательски убили, другие пали в битвах или были изгнаны и умерли в нищете. Благодаря этому он приобрел зловещую репутацию приносящего смерть своему владельцу.

Среди знаменитых алмазов чистой воды «Кох-и-Нур» выделяется неповторимой игрой света и огромным размером – 191 карат после первой огранки. Необычная у него и история.

По индийским легендам, бриллиант принадлежал Богу любви Каме, одному из героев «Махабхараты». Но первые достоверные сведения о нем встречаются в «Бабур-наме», сочинении Бабура, основателя династии Великих Моголов.

Имя «Бабур» означает «Северный лев». Он пришел из Афганистана, то есть с севера. В жилах этого человека текла кровь двух великих завоевателей: по мужской линии он происходил от пятого колена Тамерлана, а по женской – от пятнадцатого колена Чингисхана.

И посему, как говорится в источниках, он тоже стал великим завоевателем, однако был также писателем и поэтом. В «Бабур-наме» он рассказывает о султанах Ала-эль-Дине-хали, правителе Дели в период с 1295 по 1316 год. Во время одного из походов на юг султан одержал победу над правителем Гуджирата и заполучил богатую добычу. Среди прочих сокровищ ему достался и большой великолепный бриллиант.

Два столетия спустя к Бабуру за помощью обратился правитель Пенджаба Давлат-хан с просьбой помочь ему в борьбе со своим племянником Ибрагимом Лоди, султаном Дели. В 1526 году Бабур разгромил его армию, а его самого убил. Был им убит и раджа княжества Гвалнора Викрамадита, выступившего на стороне султана. Накануне битвы раджа переправил все свои сокровища в крепость Агру. В том числе и знаменитый бриллиант, которым с некоторых пор владел.

Бабур взял Агру 4 мая 1526 года. И в тот же день ему достался уникальный камень. В «Бабур-наме» об этом говорится так: «Когда прибыл Гамаюн, сын Бабура, люди Викрамадиты попытались бежать, но воины Гамаюна схватили их и бросили в темницу. Но при этом пощадили семью раджи».

Существует, однако, и иная версия. Согласно ей, бриллиант принадлежал не радже, а султану Ибрагиму Лоди. Будто его мать преподнесла его Гамаюну в знак благодарности за то, что, захватив Дели, он пощадил семью погибшего султана. Будто мать его вошла к победителю ее сына с золотой шкатулкой в руках и передала ее молодому принцу. Открыв ее, Гамаюн увидел там бриллиант. Он преподнес его в дар отцу, и с тех пор камень стали называть «Бриллиант Бабура».

После смерти Бабура камень вернулся к Гамаюну, ставшему императором. С тех пор он странствовал вместе с владельцем, судьба которого оказалась непростой. Гамаюн вынужден был бежать после поражения, нанесенного ему афганцами. Он оказался в Персии, где Шах-Тамасп сердечно принял его. Будто бы в знак благодарности Гамаюн подарил бриллиант своему благодетелю. Тот, удивленный столь щедрым подарком, позвал ювелиров, чтобы оценили стоимость камня. Они в один голос заявили, что «у него нет цены». Посол правителя Голконды при персидском дворе Ибрагим Катба подтвердил, что стоимость бриллианта не поддается исчислению.

Все эти события имели место в 1547 году. О дальнейшей судьбе бриллианта вплоть до 1739 года точных сведений нет. Известно, что одно время он принадлежал Шах-Джехану, правнуку Гамаюна. Затем им владел его третий сын Аурангзеб. Под его ударами пала когда-то неприступная Голконда. Богатая добыча досталась завоевателям, в том числе и сокровища. Так в руках Великих Моголов оказались чуть ли не все самые известные крупные алмазы, когда-либо найденные в Индии. И прежде всего – зеленовато-голубой «Великий Могол» и чистейшей воды «Бриллиант Бабура», как его тогда называли.

Два этих самых величественных алмаза мира украсили знаменитый трон Великих Моголов. Семь долгих лет придворные мастера Шах-Джехана трудились над созданием этого чуда. Как повествует летописец, шаху «пришла в голову мысль, что огромное количество редких драгоценностей, имевшихся в сокровищнице, лучше всего использовать на сооружение трона, на котором император восседал бы во все возрастающем сиянии». И действительно, трон был буквально усыпан драгоценными камнями. С внешней стороны его покрыли эмалью с вкрапленными бриллиантами. Над спинкой – изображения двух украшенных драгоценностями павлинов, а между ними – дерево с листьями из рубинов, бриллиантов, изумрудов и жемчуга. И все это покоилось на двенадцати опорах из изумрудов.

По подсчету того же Тавернье, описавшего трон, на его украшение ушло 108 кабошонов красной благородной шпинели, каждый по сто каратов, около 160 изумрудов весом по шестидесяти каратов и множество алмазов.

Но главным украшением являлись алмазы «Великий Могол» и «Бриллиант Бабура». Некоторое время даже считали, что оба они – осколки одного природного камня. Возможно, это и так, зато судьбы их сложились по-разному. Правда, общее у них еще и то, что эти алмазы послужили причиной возникновения многих легенд.

Однако что же стало с тронном Великих Моголов?

Некогда могучая империя Великих Моголов клонила к закату. На западе, в Персии, восходила новая звезда – Надир-Кули, или «Раб чудесного», как он называл себя. Он был пастухом, которого в восемь лет вместе с матерью похитили узбеки и увезли в Хиву. Там в рабстве мать умерла, а молодой Надир бежал в Хорасан, где и началось его восхождение к вершинам власти. В 1732 году Надир-Кули сместил слабого правителя Персии и занял его место. Он нанес поражение афганцам и туркам, отеснил русских из каспийских провинций. После этого Надир-шах, как он стал именоваться, устремил взор на хиреющую империю Великих Моголов. Правящий император Мохамед-шах, вступивший на трон в 1719 году, оказался жалким потомком некогда могущественных владык. О нем говорили, что «у него в объятиях постоянно была любовница, а в руке он всегда держал стакан с вином». Надир-шах двинул войска против сластолюбивого индийского императора.

Когда Надир-шах захватил Кабул – административный центр провинции империи Моголов, он направил индийскому владыке Мохамед-шаху ультиматум с требованием отдать Персии две богатые провинции Пенджаб и Кашмир. Особый пункт ультиматума гласил: «Я пришел, чтобы взять также известный трон Моголов». Мохамед-шах отказался удовлетворить эти требования. Тогда на пенджабской равнине произошло сражение. Победителями вышли персы. И первым условием мира Надир-шах выдвинул требование передать ему знаменитый трон.

С тех пор трон находился при персидском шахе, пока тот не погиб во время сражения с курдами.

Дальнейшая судьба трона не вполне ясна. Курды утверждали, что разбили его на части, которые поделили между собой. Вскоре, однако, наследнику Надир-шаха будто бы силой удалось возратить большую часть сокровищ своего предшественника. Среди них оказались и части разбитого трона, тогда же воссоединенные. Точно, правда, не известно, был ли трон действительно восстановлен из осколков оригинала или же его собрали, добавив недостающие части из «жемчужного тента» – чехла для трона, изготовленного из шелка, расшитого бриллиантами и жемчугом.

Впрочем, поговаривали, что курдам достался не подлинный трон Великих Моголов, а его искусная имитация. Оригинал же якобы остался целым и невредимым и в конце XVII века попал в руки англичан.

А куда делись украшавшие его знаменитые алмазы?

* * *

Когда Надир-шах разбил императора Мохамед-шаха, тот вынужден был вступить с непрошеным гостем в переговоры. Цель их состояла в том, чтобы путем уступок склонить грозного перса сохранить власть индийскому императору. Встреча состоялась. Мохамед предстал перед своим победителем в короне, которую украшал «Бриллиант Бабура». Увидев это чудо, Надир-шах будто бы воскликнул: «Гора света!» И предложил в знак «братской» дружбы обменяться головными уборами. Так взамен своей простенькой тубетейки кочевника Надир-шах получил корону с понравившимся ему бриллиантом. С этих пор камень и стали называть «Кох-и-Нур» – «Гора света».

В 1741 году Надир-шах послал русской императрице Елизавете Петровне, только что вступившей на престол, среди прочих даров и кольцо с огромным бриллиантом. Когда-то оно принадлежало Шах-Джехану. Но это не был «Кох-и-Нур», как некоторые думали, он оставался у Надир-шаха.

Но недолго наслаждался красотой своего бриллианта грозный персидский владыка. Когда он был в 1747 году убит, бриллианта в его шатре не оказалось, он исчез...

Вновь следы его объявились в персидском городе Исфагани, куда, видимо, отвез его Надир-шах. Здесь обладателем драгоценного камня стал афганец Ахмад Абдали, который предпринял безуспешную попытку захватить трон. Прихватив «Кох-и-Нур», он бежал в

родной Кандагар, где основал королевскую династию и принял имя Дурр-и-Дуаран (жемчужина века). Умер он в 1773 году. Его сын Тимур перенес столицу в Кабул и туда же перевез свои сокровища, в том числе и бриллиант «Кох-и-Нур». После смерти Тимура в 1793 году наступила долгая смута.

Преемником Тимура был пятый из двадцати трех его сыновей, победивший остальных, Заман-шах. Шесть лет спустя его ослепил брат Мохамед, захвативший трон. В 1803 году другой брат, Суджа, бросил Мохамеда в темницу и стал владыкой страны. Но Мохамеду удалось бежать и вернуть трон. Однако он так никогда и не получил вождеденный бриллиант «Кох-и-Нур». Заман-шах тайком захватил его с собой в тюрьму и спрятал в штукатурке стены своей камеры. Он поведал об этом лишь брату Судже.

В 1810 году основанная Ахмад-шахом Дурранийская держава развалилась и два несчастных брата Заман-шах и Суджа-шах попросили убежища в Лахоре у магараджи Ранджиту Синха, по прозвищу Лев Пенджаба. Воспользовавшись распрей афганских владык, он провозгласил себя независимым правителем Кашгара, Пешевара и Мультана. О том, что Суджа-шах захватил с собой «Кох-и-Нур», стало известно Ранджиту Синху. Он вознамерился завладеть бриллиантом за то, что предоставил убежище Судже и его семье. Но тот всячески противился этому. То заявлял, что бриллиант заложен у менялы, то уверял, что он потерял его вместе с другими своими драгоценностями. А однажды послал Синху крупный топаз, заверяя, что это и есть столь желанный ему бриллиант. После того как придворные ювелиры осмотрели подаренный камень и не признали, что это «Кох-и-Нур», Лев Пенджаба пришел в ярость. Он повелел оставить обманщика и его домочадцев без воды и пищи. Только тогда Суджа-шах согласился передать Синху бриллиант.

Ранджит Синх очень гордился тем, что он владеет «Кох-и-Нуром», ибо был уверен, что «тот, кто владеет «Кох-и-Нуром», правит миром». Он носил его на браслете между двумя бриллиантами поменьше, видимо чтобы подчеркнуть его ценность и значение.

* * *

С тех пор «Кох-и-Нур» находился в Лахоре вплоть до 1849 года, когда Пенджаб был аннексирован англичанами. По Лахорскому договору махараджа Дхулип Синх (сын Ранджита Синха) должен был передать в качестве репараций все свои сокровища в собственность английской Ост-Индской компании. Особым пунктом предусматривалось, что «бриллиант под названием «Кох-и-Нур», взятый у Суджи-шаха махараджей Ранджитом Синхом, должен быть передан махараджей Лахора британской королеве».

Персонально отвечал за выполнение этого пункта английский генерал-губернатор лорд Дэлхаузи. Он считал, что преподнести бриллиант королеве должен сам побежденный махараджа, тогда это не будет выглядеть подарком с его стороны, иначе говоря, милостью. Однако план этот не состоялся.

Доставить «Кох-и-Нур» из сокровищницы Тошаханы, близ Лахора, где он хранился, поручено было сэру Джону Лоджину. Старик казначей, передавая ему бриллиант, заявил, что теперь у него как гора с плеч свалилась (можно понять как игру слов, ведь «Кох-и-Нур» – «Гора света»). При этом старик добавил, что этот камень был причиной смерти многих людей, поэтому ни он сам, ни члены его семьи никогда не чувствовали себя в безопасности. Сэр Лоджин доставил и передал камень пенджабскому правительству, состоявшему из трех членов – сэра Генри Лоуренса, его младшего брата Джона и К. К. Мозеля. Хранение бриллианта поручили Джону Лоуренсу, наиболее аккуратному, практичному и деловому из всей троицы. Но они ошиблись в своей оценке.

Джон Лоуренс положил бриллиант в коробочку и сунул ее в карман жилетки. Переодеваясь к обеду, он отбросил жилет в сторону и забыл думать о доверенном ему сокровище.

Шесть недель спустя от генерал-губернатора пришло распоряжение немедленно доставить «Кох-и-Нур». Старший Лоуренс объявил об этом на Совете правительства. На что

его брат Джон сказал:

– В таком случае пошлите за ним.

– Но ведь, насколько мне известно, бриллиант хранится у тебя, – упрекнул его брат.

Тут мысль о его халатности молнией пронзила Джона Лоуренса. Он пришел в ужас. Позже он рассказывал, что в тот момент лишь пробормотал про себя: «Ну вот, в такую передрыгу я еще не попадал в жизни!» Но, собравшись, и вида не показал.

– Да, да, конечно. Совсем забыл об этом, – сказал он, будто ничего не случилось.

При первой возможности он покинул совещание и бросился домой. С колотившимся от волнения сердцем он вызвал своего старика-слугу:

– У тебя маленькая коробочка, которая еще недавно была в кармане моей жилетки?

– Да, сабиб, – отвечал индус. – Я обнаружил ее и положил в один из ящиков.

– Немедленно принеси ее сюда, – распорядился Джон.

Коробочка была принесена, и Джон, сдерживая волнение, приказал:

– А теперь открой ее и посмотри, что внутри.

Старик вынул комок из бумажек и, медленно разворачивая его, извлек драгоценный камень, даже не подозревая, какое сокровище он держит.

– Здесь ничего нет, – сказал старик, – только кусочек стеклышка.

Джон с облегчением вздохнул, «стеклышко» было целым и невредимым. Он немедленно принес «Кох-и-Нур» в Совет, где тотчас же занялись подготовкой к его отправке. Камень из Лахора надо было доставить в Бомбей. Тогда это был рискованный маршрут, дороги кишели грабителями. Но все обошлось. И генерал-губернатор, увидев бриллиант, не удержался от восклицания: «Он просто великолепен!»

Лорд Дэлхаузи, которому довелось передать сокровище в казначейство Бомбея, вспоминал: «Я привез камень лично и никогда еще в жизни не был таким счастливым, чем в ту минуту, когда входил в здание Бомбейского казначейства. Бриллиант был зашит в моем поясе, один конец которого был привязан к цепи, намотанной вокруг моей шеи. Я не снимал пояс ни днем, ни ночью, за исключением одного раза, когда пришлось пояс оставить на хранение капитану Рамсею (который вместе со мной знал о том, что я везу и, как и я, отвечал за сохранность камня). Рамсей запер его в казначейский ящик, получив от меня строгую инструкцию сидеть на нем верхом до моего возвращения. Боже, – восклицал в конце письма лорд, – какое счастье наконец избавиться от этого камня!»

В апреле 1850 года «Кох-и-Нур» был отправлен из Бомбея на судне «Медея» в Англию. На корабле никто не знал о бесценном грузе, кроме двух офицеров, которым было поручено охранять курьерский ящик, где лежал драгоценный камень, – подполковника Макесона и капитана Рамсея.

С некоторыми незначительными приключениями (буря, холера на борту) «Медея» прошла маршрутом вокруг Африки и вошла в порт Плимут, где на берег сошли пассажиры и была сгружена почта. «Кох-и-Нур» продолжил свое плавание до Портсмута. Отсюда офицеры, охранявшие бриллиант, доставили его в «Ост-Индия хауз», где и передали бриллиант председателю компании. Он и вручил «Кох-и-Нур» 3 июня 1850 года лично королеве Виктории в Букингемском дворце.

В 1851 году бриллиант демонстрировали на Всемирной выставке в лондонском Гайд-парке. К этому моменту еще сохранялась первоначальная его огранка. Но в 1852 году камень, к сожалению, был переогранен, его вес при этом уменьшился со 191 до 108,9 карата. Королева Виктория носила «Кох-и-Нур» в качестве броши; после ее смерти камень был причислен к королевским регалиям; он был укреплен в центре переднего креста государственной короны. Затем его вставили в новую корону, изготовленную фирмой «Гаррард и К°».

В Англии «Кох-и-Нур» вскоре подтвердил свою зловещую репутацию. О нем много писали, обсуждали его драматическую историю, и некоторые уверовали в то, что тот, кто владеет бриллиантом, непременно погибает. Это мнение особенно утвердилось после того, как некий офицер 10-го гусарского полка в отставке, лишившись рассудка, бросился с ножом

на королеву.

...Роковой, волшебный огонь алмазов. Сколько человеческих жизней сгорело в их испепеляющем пламени! Сколько принесли они горя и слез!

Кавалер в юбке

Как-то, выслушав рассказ Сен-Жермена о Маргарите Валуа и Марии Стюарт, король воскликнул, смеясь:

– Можно подумать, что вы все это видели сами!

На что граф отвечал, что у него очень хорошая память и он много читал об истории Франции. Иногда, продолжал он, ради смеха я намекаю, не заставляя в это верить, что жил в те давние времена.

И действительно, граф Сен-Жермен, как пишет о нем в своей книге П. Шакорнак, «умел дозировать долю чудесного в своих рассказах, в зависимости от слушателя». И в то время когда в Париже таинственность окружала графа, король Людовик XV и мадам Помпадур относились к нему с полным уважением. Утверждали даже, что граф провел несколько вечеров почти один на один с королем, позволяя себе давать советы монарху. Госпожа де Оссет, горничная Марии Антуанетты, оставившая воспоминания, передает такой разговор: Сен-Жермен сказал как-то королю: «Для того чтобы объективно оценивать людей, не нужно быть ни исповедником, ни министром, ни полицейским начальником...» Король вставил: «Ни королем». Граф Сен-Жермен ответил: «Сир, вы видели, какой туман был несколько дней назад, ничего не видно было за четыре шага. Чаще всего короли окружены еще более густым туманом, порожденным интригами и неверными министрами. Во всех слоях общества стараются показать им вещи под другим, нежели реальный, углом».

Говоря о министрах, Сен-Жермен, видимо, намекал на новоиспеченного министра иностранных дел Шуазеля, который удивлялся тому, что король так часто остается почти наедине с таким сомнительным человеком, как Сен-Жермен, тогда как обычно окружает себя охранниками, будто кругом кишат убийцы. Иначе говоря, герцог Шуазель ревновал к доверию, которое король оказывал Сен-Жермену.

Во времена Людовика XV в моде были маскарады, которыми так славилось роскошное царствование этого монарха.

На одном из таких маскарадов внимание короля привлекла молодая особа. Старый селадон с первого взгляда пленился девушкой, которую до этого никогда не встречал при дворе. У нее были прекрасные белокурые волосы, светло-голубые, томные с поволокой глаза, щеки цвета спелого персика, рост небольшой, фигура изящная и стройная, гибкая талия. Вокруг нее увивался рой кавалеров.

– Очаровательное существо, – заметил король. – Кто она?

– Ваше Величество, – отвечала ему уязвленная мадам Помпадур, – Вы, кажется, забыли, что сегодня здесь маскарад и каждый из его участников играет какую-нибудь роль.

– Но какую роль может исполнять эта прелестница? – простодушно спросил Людовик. – Она, мне кажется, сама естественность и так мила...

– Боюсь разочаровать Вас, но она вовсе не то, что Вам показалось, – продолжала не без удовольствия осведомленная фаворитка. – Это маска, а под ней молодой шевалье, всего лишь наряженный женщиной.

– Не может быть, – искренне удивился монарх. – Вот уж никогда бы не подумал. Но если это так, то сходство с женщиной поразительное. – И, помолчав, приказал: – Пусть подойдет, я хочу с ней, то есть с ним, поговорить.

Кавалер, наряженный женщиной, был представлен. Из разговора выяснилось, что зовут его д'Эон де Бомон, на маскарад его привела графиня Рошфор, она же подала мысль нарядиться в женское платье.

Король, хотя и был несколько разочарован таким неожиданным пассажем, весело смеялся, заметив, что мистификация удалась на славу и находчивому шевалье полагается

приз за самый оригинальный маскарадный костюм.

Осталось неизвестным, в чем состоял этот приз и как вообще был вознагражден за свою находчивость и смелость двадцатисемилетний дворянин. Известно лишь, что дальше произошло то, что изменило судьбу кавалера, превратив его на много лет в женщину и ввергнув в политические игры эпохи.

Когда шевалье д'Эон раскланялся, мадам Помпадур, явно довольная тем, что сластолюбивый повелитель промахнулся и охота на очередную жертву не состоялась, подала мысль использовать кавалера на политическом поприще. Лукаво улыбнувшись, она предложила:

– Почему бы не послать этого мастера переодевания под видом женщины в Россию в качестве тайного агента? Возможно, он будет более удачлив, чем другие.

Сен-Жермен, находившийся рядом и слышавший разговор, поддержал фаворитку, тем самым стал, можно сказать, участником задуманной авантюры.

Людовик неуверенно возразил:

– Сомневаюсь, есть ли нужда посылать кого-либо под видом женщины. Что это даст?

– Не забывайте, что русская правительница Елизавета – женщина, а кто как не женщина скорее найдет общий язык с ней, – резонно заметила маркиза.

Подумав и оценив совет, король изрек:

– Пожалуй, вы правы, стоит рискнуть.

Здесь необходимо сделать пояснение. Дело в том, что к тому времени отношения между Парижем и Петербургом были сильно испорчены. Причем настолько, что обе державы отозвали своих послов. Влияние Франции при русском дворе было подорвано. Между тем французская дипломатия, обеспокоенная политикой Пруссии, ее союзом с Англией, с которой Франция вела многолетнюю борьбу за колонии и господство на море, приступила к созданию антипрусской коалиции. Без России такая коалиция была бы значительно ослабленной. В Париже это прекрасно понимали. Но напрашиваться в друзья не рисковали, опасаясь потерять престиж.

Однако если нельзя действовать официально, то можно использовать другие каналы, чтобы знать настроения петербургского двора. С этой целью было послано несколько тайных агентов. Всех их задержали на границе и вернули обратно (на этот счет имелся приказ), а один из агентов, добравшийся до Петербурга и разоблаченный как шпион, угодил даже в Шлиссельбургскую крепость. Так что дело это было небезопасное.

Вот почему предложение послать агента в Петербург, прибегнув к столь ухищренному способу, показалось Людовику XV заманчивым. Он распорядился разработать план операции, поручив это дело принцу Конти, бывшему тогда одним из руководителей «секрета короля».

Возник, естественно, вопрос, хватит ли ловкости и сноровки у переодетого в женское платье кавалера выполнить такое ответственное поручение? Одно дело щеголять в роброне и фижмах на придворном маскараде, совсем другое – тайно проникнуть в чужую страну и не один день выдавать себя за женщину. Но д'Эон уверял, что справится с этой задачей.

Что двигало им, когда он соглашался? Видимо, склонность к авантюрам. Это подтверждает вся его дальнейшая полная приключений жизнь.

Как бы то ни было, д'Эон принял поручение и стал под руководством Конти готовиться к отъезду. Принц имел и личную заинтересованность послать верного ему человека в Петербург. Честолюбивый и самонадеянный, он рассчитывал через него предложить свою руку сорокашестилетней Елизавете Петровне или с ее помощью стать во главе русской армии, на худой конец, заполучить вакантный тогда престол герцога Курляндского. Был у этого наивного наглеца еще один сумасбродный план: он лелеял мечту о польской короне. Всему этому и должен был способствовать д'Эон с его поразительным талантом изображать женщину.

То ли природная женственность, то ли искусство, с которым он так блестяще исполнял роль девицы, породили впоследствии легенду о том, что д'Эон и на самом деле был женского

пола. В свое время, еще при его жизни, на этот счет ходила масса слухов, причем от самых нелепых до весьма экстравагантных и пикантных, о чем, впрочем, речь впереди.

Но и спустя много лет некоторые биографы д'Эона станут утверждать, что на самом деле у Луи д'Эона де Бомона, адвоката парламента бургундского города Тоннера, в 1728 году родилась девочка. В детстве по странной прихоти отца ее одевали и воспитывали, как мальчика. Объясняли эту причуду тем, что будто бы отец новорожденной страстно мечтал иметь сына и не мог смириться с капризом природы, вопреки его желанию подарившей ему девочку. Было еще одно объяснение, почему девочку наряжали мальчиком. С помощью такого подлога родители, мол, рассчитывали получить для сына какое-то наследство, которое иначе им бы не досталось.

Почему не обратиться к записям в церковной книге о рождении и крещении ребенка? И когда это сделали, то установили, что ничего таинственного в его рождении не было. Трое свидетелей оставили свои подписи на свидетельстве о рождении, и по крайней мере два десятка человек присутствовали при крещении новорожденного, нареченного Шарль-Женевьева-Луиза-Огюст-Андре-Тимоте д'Эон де Бомон. Никто из них не сомневался, что это был мальчик. Рос он и воспитывался на глазах у всех, учился в местной школе, был отчаянным проказником, за что частенько его награждали розгами. Так, однажды он схлопотал очередную порцию, когда, шутки ради, нарядился в платье своей сестры и все приняли его за девочку. Это был, можно сказать, первый опыт с переодеванием, который позже получит столь блестящее продолжение.

Учебу д'Эон продолжил в парижской коллегии Мазарини, где дети дворян, готовившиеся на судебные должности, довершали образование.

Уже в молодые годы д'Эон отличался многими талантами, что позволило ему вскоре стать адвокатом парламента, получить звание доктора гражданского и канонического права. Однако не адвокатские речи принесли ему довольно громкую известность, а умение, несмотря на хрупкое сложение, владеть шпагой. Он считался одним из самых опасных дуэлянтов.

Обнаружились у него и кое-какие литературные способности. Особенно ярко они проявятся позже при написании им воспоминаний. Пока же он успешно занимался сочинением надгробных речей, печатался в журнале и написал два тома «Политических рассуждений об администрации у древних и новых народов». Труд этот не остался незамеченным, автора стали приглашать в модные салоны, к нему проявили интерес знатные особы, одна из которых, графиня Рошфор, стала его любовницей. Связь с ней и привела его на придворный маскарад, где он, переодетый женщиной, ввел в заблуждение самого короля и подал мысль использовать его искусство трансформации для секретной работы в качестве тайного агента.

Итак, разрабатывается план проникновения в Россию. Но посылать агента, переодетого женщиной, в одиночку было бы рискованно. Следовало подыскать ему попутчика или, еще лучше, отправить вместе с ним кого-нибудь под видом родственника. На эту роль находят шотландского дворянина Дугласа, живущего в изгнании якобита, приверженца неудачливого претендента на английскую корону Чарлза Стюарта.

Беглый шотландец выдаст себя за путешествующего геолога-любителя, заодно интересующегося покупкой мехов. Вместе с ним в качестве племянницы и должен был ехать кавалер д'Эон под именем девицы Лии де Бомон. Обоим надлежащим образом тщательно подготовили, причем Дугласу также вменялось в обязанности вести наблюдение и собирать информацию.

Инструкция, данная ему и написанная мелким шрифтом с сокращением слов, была спрятана в табакерке. В ней, в частности, говорилось: «Уже с давних пор его величество не имеет в России ни посланника, ни министра, ни консула, поэтому королю почти ничего не известно о положении этой страны, тем более что ревнивое и подозрительное правительство не дает возможности вести нормальную переписку». В то же время «положение Европы вообще, смуты, возникшие в прошлом году в Польше и готовые, по-видимому,

возобновиться; участие, принятое в них петербургским двором, и опасение, что Англия в скором времени при посредстве своего посланника, кавалера Уильяма, заключит договор с Россией о субсидиях, – все это требует тщательного наблюдения за образом действий русского двора».

Дуглас и д'Эон должны были узнать о намерениях русских относительно Швеции, о видах на Польшу и готовности к войне с Пруссией, о политике в отношении Турции.

Немалый интерес следовало также проявить к внутреннему положению России, собрать информацию о состоянии армии и флота, их численности, о торговле, словом, обо всем том, что полезно было знать Франции. Так, скажем, французов очень интересовала участь бывшего императора Иоанна Антоновича, содержавшегося в заключении, и его отца принца Брауншвейгского. Нет ли у четырнадцатилетнего свергнутого императора приверженцев и не поддерживает ли их тайно Англия? Если бы оказалось, что это так, то можно было бы нанести удар всей английской дипломатии в Петербурге.

Особую задачу поставили перед «племянницей», задачу, прямо скажем, не из легких: проникнуть ко двору и войти в контакт с самой императрицей; выяснить ее личное отношение к Франции – ведь когда-то, в годы молодости Елизаветы Петровны, существовал план выдать ее за Людовика XV. Возможно, у нее сохранились еще симпатии к нему (король был в этом уверен) и тогда на этом можно будет сыграть.

Девице де Бомон вменялось также собрать материал о лицах, пользующихся особым доверием императрицы, и о тех, кто ей тайно противостоит, то есть разведать расстановку сил при русском дворе. Как видим, поручение было совсем не безопасным, включало обширную и разнообразную программу, выполнить которую в полном объеме казалось делом сверхтрудным. Посвящены в задуманный план были всего несколько человек: король, мадам Помпадур, принц Конти и его секретарь.

Помимо устных и письменных инструкций д'Эон получил лично от принца Конти богатый гардероб дамского платья. В корсете одного из них был зашит документ с полномочиями от короля, а в подошве туфли спрятан ключ к зашифрованной переписке. Точно такой же шифр имел и Дуглас. Поскольку пользоваться пришлось бы обычной почтой, писать надо было условным языком, якобы речь идет о закупке мехов.

Если, скажем, упоминалась «чернобурая лисица», то имелся в виду английский посол Уильям Хэмбри, действительно хитрый и коварный, как лисица; слова о том, что этот товар падает или поднимается в цене, соответственно означали степень влияния посла при дворе; выражение «горностаи в ходу» следовало читать как преобладание русской партии и недоверие к иностранцам; «волчьи шкуры также в цене» – берут верх проавстрийские настроения; «соболь падает» – уменьшается влияние русского канцлера Бестужева-Рюмина, а «рысь в цене» – его престиж растет. Число солдат в тысячах обозначалось количеством мехов в единицах; неудача зашифровывалась словами о плохом здоровье, а необходимость возвращения – уведомлением, что меха уже куплены.

Перед самым отъездом д'Эон получил от короля томик сочинения Монтескье «Дух законов». Книгу эту полагалось беречь особенно тщательно. В кожаном переплете были спрятаны секретные послания французского монарха российской императрице.

Оснащенные и экипированные таким образом «дядя» и «племянница» двинулись в путь.

Путешественники поехали необычной дорогой. Чтобы избежать ненужного любопытства и не возбуждать лишних толков, их карета направилась в сторону Швабии, затем через Богемию. Здесь они осмотрели рудники – ведь по легенде «дядя» выдавал себя за геолога и его интересовало горное дело. Сделав крюк, заехали в Саксонию опять же лишь для того, чтобы осмотреть здешние копи, демонстрируя приверженность цели своего путешествия. Затем двинулись в Пруссию, отсюда через Курляндию недалеко было и до России.

За время путешествия д'Эон вполне освоился со своей ролью, ловко пользовался дамскими туалетами, как будто в них родился, даже научился кокетничать, что вызывало

неудовольствие и тревогу у «дядюшки». «Не хватало только, чтобы кто-нибудь начал ухаживать за моей мнимой хорошенькой племянницей», – беспокоился он. Все, однако, обошлось благополучно. Не вызвав ни малейшего подозрения на русской границе, они удачно миновали рубежи Российской империи и оказались в ее столице.

Политическая ситуация здесь была сложная, преобладало, однако, влияние Англии, чему немало способствовала ловкость «чернобурой лисицы».

Подозрительный посол Хэмбри ревниво следил, чтобы ни один из его соотечественников не мог проникнуть ко двору, не будучи представленным им самим лично. Это обстоятельство осложнило действия Дугласа. Когда он явился к английскому послу, надеясь, что тот его не знает, Хэмбри обошелся с ним весьма сухо, наотрез отказав представить императрице. Возможно, посол почувствовал что-то неладное в этом соотечественнике или просто-напросто был каким-то образом осведомлен о его секретной миссии. Так или иначе ситуация для тайного агента с самого начала сложилась неблагоприятная. Кончилось тем, что, не сумев ни с кем войти в контакт и наладить отношения, Дуглас вынужден был сообщить в Париж, что испытывает значительные затруднения. Вскоре он и вовсе оставил Петербург.

Его попутчица Лия де Бомон (назовем здесь д'Эона соответственно той женской роли, которую он играл) оказалась более удачливой. Хорошенькая и наивная, она не вызвала подозрений даже у прозорливого Хэмбри. Ей удалось познакомиться с одной из фрейлин, некой Надеждой Штейн, и войти к ней в доверие. Этому помогло рекомендательное письмо от ее подруги Софьи-Шарлотты, дочери герцога Мекленбург-Стрелицкого. К чему приведет это знакомство переодетого кавалера с девушкой, мы увидим ниже. Но главное достижение заключалось в том, что «племянница» добилась тайной встречи с вице-канцлером графом Воронцовым, сторонником сближения с Францией.

Во время этого свидания девица де Бомон представила свои полномочия и передала графу заветный томик Монтескье, пояснив, как следует им воспользоваться. Уже через два дня она была представлена вице-канцлером императрице. Больше того, то ли по его совету, то ли потому, что понравилась Елизавете Петровне, девица де Бомон была назначена «чтицей императрицы».

Можно сказать, успех превзошел все ожидания, и хитроумная «чернобурая лисица» осталась с носом.

Однако сделано было лишь полдела. Теперь предстояла задача, пожалуй, потруднее: попытаться убедить Елизавету Петровну восстановить былые отношения с Францией. И в этом, прямо скажем, чтица оказалась удачливой.

Красноречиво обрисовав те выгоды, которые сулит такой союз, де Бомон продемонстрировала поразительную для девицы осведомленность в вопросах европейской политики и незаурядные дипломатические способности. Что касается секретного поручения принца Конти – убедить Елизавету Петровну в том, что тот питает к императрице нежную страсть и рассчитывает если не разделить вместе с нею трон, то хотя бы на место главнокомандующего русской армией, в этом девица не преуспела. Вернее сказать, «ее» услуги запоздали: к тому времени отношения Конти с королем настолько испортились, что он был отстранен от руководства «секретом короля» и впал в немилость.

Не следует, однако, преувеличивать заслуги «девицы де Бомон» в переориентации русской политики. Для этого у Петербурга возникли серьезные основания. К тому моменту в Европе произошли чрезвычайные события. Франция, которая в течение двух с половиной веков вела с Австрией ожесточенную борьбу за политическое превосходство, неожиданно еще в мае 1756 года заключила с ней союз. Против кого? Против Пруссии, которой еще недавно так покровительствовал версальский кабинет. Не вдаваясь в причины столь неожиданного поворота французской политики, можно сказать, что это изменило всю расстановку сил на континенте и ускорило начало Семилетней войны.

Поэтому красноречие девицы де Бомон упало на подготовленную почву. В Петербурге всерьез обдумывали возможность присоединения к франко-австрийскому союзу. Для этого,

считали здесь, необходимо, чтобы версальский двор прислал своего дипломатического представителя. Об этом Елизавета Петровна собственноручно написала в дружеском послании Людовику XV. Доставить его взялась девица де Бомон, которой императрица вполне доверяла.

Когда д'Эон, вновь наконец-то облачившийся в мужской наряд, рассказывал Людовику XV о своих похождениях, тот весело смеялся. И, как бы поощряя молодого шевалье, сказал:

– Пожалуй, со времен Ахилла, жившего на острове Скерос среди женщин и носившего их одежду, никому не доводилось так ловко пользоваться женским нарядом.

– Смею заметить, сир, – решился возразить д'Эон, обласканный приемом, – коль скоро Ваше Величество вспомнили греков, надо бы назвать еще одного – Геракла, который носил женскую одежду, когда жил у лидийской царицы Омфалы.

– Дорогой шевалье, – Людовик XV снисходительно улыбнулся, как бы прощая дерзость, – Геракла принудила к такому маскараду жестокая Омфала. Вы же, как доблестный Ахилл, сами облачились в дамское платье и пошли на опасное приключение по доброй воле. Не так ли, господин д'Эон? – пристально глядя на него, произнес монарх.

Что оставалось сказать? «Конечно сам, конечно по доброй воле». Удовлетворенный ответом Людовик щедро вознаграждал удачливого разведчика. И тут же дал ему новое поручение: отправиться обратно в Россию, но теперь уже не под видом девицы, а в нормальном мужском костюме в качестве секретаря поверенного в делах при русском дворе. На эту должность был назначен все тот же Дуглас.

Но мог ли д'Эон появиться в мужском наряде там, где только что изображал женщину? Его наверняка бы опознали, разразился бы скандал и неизвестно, чем бы он кончился.

Поэтому, дабы не дразнить гусей и не разоблачить «Лию де Бомон», решено было представить д'Эона как родного ее брата, будто бы впервые оказавшегося в Петербурге. Русским оставалось только удивляться тому, что брат и сестра походили друг на друга как две капли воды.

Тем временем в Европе запахло порохом. Россия открыто приняла сторону Австрии и Франции против Пруссии. И восьмидесятитысячная русская армия, расположенная в Лифляндии и Курляндии, получила приказ начать совместные с войсками Марии-Терезии и Людовика XV действия против Фридриха II. Началась так называемая Семилетняя война, унесшая сотни тысяч солдатских жизней и принесящая огромный материальный урон воюющим державам.

В это трудное и тревожное время кавалер д'Эон вновь проявил себя умным и тонким политиком. Своими советами он немало содействовал укреплению русско-французских отношений, и Елизавета Петровна вполне могла быть довольна братом Лии де Бомон, оказавшимся столь же смышленным и, как ей казалось, столь же преданным. И когда потребовалось послать в Париж верного человека, который доставил бы туда подписанный императрицей договор, а также план военных действий против Пруссии, выбор пал на д'Эона. Поручение было ответственным и рискованным.

Перед отъездом русский канцлер пригласил д'Эона к себе, чтобы проститься с ним, выразить от имени ее императорского величества благодарность и вручить от нее триста червонцев на дорогу.

По дороге в Париж д'Эон встретился в Белостоке с маркизом Л'Опиталем, назначенным французским послом в Петербург, заехал в Вену, где вручил Марии-Терезии копию плана кампании против Пруссии, увиделся с французским послом при польском дворе графом Брольи. В Вене его застало известие о победе австрийцев над пруссаками в битве под Прагой. Не мешкая, д'Эон отправился в путь, рассчитывая опередить официальных гонцов с этим важным известием и доставить его в Париж первым. Он так спешил, что чуть было не загнал лошадей и где-то на повороте вылетел из кареты и повредил себе ногу. Несмотря на эту непредвиденную задержку, пока ему делали перевязку, он все же успел на полтора суток раньше, чем доставили австрийскую депешу, известить Людовика XV о победе.

Мог ли король не оценить такого усердия? В награду он послал к д'Эону своего

личного хирурга, солидное денежное вознаграждение, патент на чин драгунского поручика и, как особый знак своего расположения, золотую табакерку со своим портретом, усыпанную бриллиантами.

Само собой разумеется, что вознагражден д'Эон был не только за быструю скачку, а за все услуги, оказанные французскому двору. В том числе и за похищение из самого секретного архива в Петербурге копии «Завещания Петра Великого». Копию эту вместе со своей запиской о состоянии дел в Российской империи он передал Людовику XV.

Король, как ни странно, не придавал тогда значения этому документу и бумагу преспокойно отправил в архив. Лишь полвека спустя «Завещание» извлекли на свет Божий и поспешили его использовать для разжигания антирусских настроений, поскольку в нем речь шла о планах, якобы завещанных Петром I своим потомкам, точнее говоря, о тотальной русской агрессии в Европе и Азии. Некоторое время спустя, однако, установили, что «Завещание» – плод чьей-то фантазии, ловко сфабрикованный подлог.

Был ли причастен к созданию этого мнимого документа д'Эон? На этот счет написано немало, высказывались различные версии. Но преобладала, пожалуй, все же одна: легко могло стать, что д'Эон в доказательство того, что он в Петербурге не терял времени даром, якобы с риском выкрал секретнейший документ, на самом деле сфабриковал его. Тем более что проверить, существует ли вообще оригинал и насколько точна копия, не представлялось возможным. Не посылать же запрос по этому поводу в Петербург. Выходит, автором фальшивого «Завещания», скорее всего, был сам д'Эон, не чуждый, как мы помним, литературных способностей и приобретший некоторые познания по русской истории и политике.

Тем временем военные действия на фронте развивались с переменным успехом. Русские войска взяли Мемель, разбив пруссаков при Гросс-Егерндорфе, но неожиданно отступили на зимние квартиры, вызвав неудовольствие у своих партнеров по коалиции. В этот момент Елизавете Петровне пришла в голову мысль, что крестным отцом ее будущего внука, готового вот-вот появиться на свет, станет Людовик XV. С этим предложением во Францию отправился Дуглас. Она и подумать не могла, что такое предложение не вызовет восторга. Между тем случилось именно так. В Петербург был послан вежливый отказ, а чтобы смягчить такой ответ и на месте привести доводы, объясняющие его, решили снова послать д'Эона в Россию в качестве секретаря посольства.

Неожиданно этому назначению воспротивился канцлер Бестужев-Рюмин. Он прямо заявил французскому послу, что д'Эон – личность опасная и что лично ему будет неприятно снова встретиться этого человека, способного нарушить спокойствие империи.

Что конкретно имел в виду канцлер, осталось неизвестно, поскольку на петербургской сцене произошла смена действующих лиц. Бестужев-Рюмин был смещен и арестован, а его место занял бывший вице-канцлер Воронцов, как известно, расположенный к д'Эону. Высказывали предположение, что будто бы последний способствовал падению Бестужева-Рюмина, представив бумаги, его компрометирующие.

Более двух лет прожил в России в этот приезд д'Эон. Деятельность его протекала без каких-либо явных осложнений, более того, он получил предложение самой императрицы навсегда остаться в России, перейдя на русскую службу. Какой последовал ответ, не трудно представить.

В напыщенных фразах он объяснил, что, разумеется, польщен, но никак не может принять столь лестное для него предложение, хотя бы потому, что не мыслит жизни вне своей отчизны, которую любит и которой служит верой и правдой вот уже не один год. В своих письмах, тогда же отправленных в Париж, откровенно признавался, что, останься он в России, может угодить и в Сибирь. Иначе говоря, боялся, что всплывут наружу его маскарад в женском платье и другие делишки в качестве тайного агента. От греха подальше решил он как можно скорее убраться восвояси. Чтобы ускорить отъезд, сослался на заключение врача о том, что расстроенное здоровье требует незамедлительного лечения у знающих докторов.

От пятилетнего пребывания д'Эона в России остались его работы по ее истории и

торговле.

В Париже его снова ждала награда, которая на сей раз выразилась в присвоении ему чина капитана и ежегодной пенсии в 2400 ливров. Тут ему пришлось на время прервать свои похождения на дипломатическом поприще и отправиться в армию.

Капитан д'Эон храбро сражался и так же ловко чувствовал себя в драгунском мундире, как и в женском платье. Под огнем неприятельских пушек два раза переплывал он Везер, с сотней драгун взял в плен целый батальон пруссаков, был дважды ранен. Но вот настал конец Семилетней войне, и он снова вернулся к карьере разведчика. Его назначили секретарем герцога Нивернэ, французского посла в Лондоне. Таково было, как говорится, официальное прикрытие. Наряду с этим он по-прежнему оставался в роли личного тайного агента Людовика и выполнял задания службы «секрета короля», пользуясь особым шифром.

Начал д'Эон с того, что во время приема во французском посольстве ловко выкрал из портфеля английского высокопоставленного дипломата текст ультиматума, который британский кабинет собирался направить Франции. Скопировав документ, незаметно подложил его на место. Также успешно осуществил еще целый ряд шпионских заданий: разработал план вторжения французов в Англию и восстановления на престоле Стюартов, в чем была заинтересована Франция, за что получил звание посланника и орден св. Людовика.

В этот момент, казалось бы, наивысшего взлета (д'Эон исполнял в это время обязанности временного поверенного) карьера авантюриста неожиданно забуксовала.

Новый посол граф Клод-Луи де Герши привез приказ министра иностранных дел, предписывающий д'Эону покинуть Лондон, возвратиться в Париж и ждать решения о своей дальнейшей судьбе.

В 1774 году умер Людовик XV. Новый король решил отобрать у д'Эона – этого странного человека, не то мужчины, не то женщины, – огромную пенсию, которую тот получал от его отца. Но тут вспомнили, что у него все еще находятся некоторые секретные бумаги умершего короля. В обмен на них пообещали восстановление пенсии. С чем не согласился Людовик XVI, так это с тем, чтобы вернуть ему мужской пол, – только будучи женщиной, он может рассчитывать на пенсию.

Тогда д'Эон выдвинул встречное условие. Он согласен оставаться женщиной, но французское правительство должно выплатить ему компенсацию за верную службу и многие лишения, которые он претерпел, целиком жалованье капитана за 15 лет, что он провел в Лондоне. И вообще, возместить все расходы за время проживания в британской столице.

Сумма, на которую он претендовал, составляла примерно 300 тысяч ливров.

В Париже было заупрямились, но когда узнали, что к секретным бумагам, хранящимся у д'Эона, подбираются англичане, срочно направили к нему знаменитого Бомарше, известного своим искусством улаживать подобные щекотливые дела.

От имени правительства Бомарше торжественно обещал, что все долги будут признаны и выплачены д'Эону. В обмен тот возвратит известные бумаги и раз и навсегда признает себя женщиной и никогда не снимет дамского платья. Д'Эон выторговал себе возможность возвращения на родину, две тысячи экю на женские наряды и право носить на платье крест Святого Людовика (ему дозволили надевать награду, но лишь в провинции). Разрешили также оставить себе на память драгунский мундир, саблю, каску, пистолеты и ружье. Все остальные принадлежности мужского туалета – костюмы, обувь и прочее – следовало продать.

Д'Эон и Бомарше быстро нашли общий язык. Видно, оба почувствовали друг в друге родственные души любителей приключений и прониклись взаимной симпатией. Злые языки даже утверждали, будто эта сумасбродная дама де Бомон влюбилась в автора «Женитьбы Фигаро», то ли он сам увлекся ею. На эти сплетни Бомарше с присущим ему юмором отвечал: «Какой дьявол мог предполагать, что верная служба королю потребует от меня превратиться в галантного рыцаря драгунского капитана?»

Надо думать, оба любителя авантур здорово потешались над этими сплетнями. Тем не менее договор о передаче секретных документов они подписали так: «Мы,

нижеподписавшиеся, Пьер-Огюстен Карон де Бомарше, специальный посланец короля Франции и т. д., и барышня Женестьева-Луиза д'Эон де Бомон, старшая дочь и т. д.»

Так драгунский капитан письменно признал свою принадлежность женскому полу.

Так кто же он был? Много раз из Шарля превращался в Лию, затем в Женестьеву, и снова в Шарля, и опять в Женестьеву. То настаивал, чтобы разрешили носить драгунский мундир, требовал вернуть право называться мужчиной, то заявлял о себе, что он женщина, причем самая несчастнейшая, всерьез уверяя, что намерен стать монахиней и пополнить число непорочных дев ордена св. Урсулы. Эти постоянные метаморфозы, необходимость играть поочередно две роли в конце концов привели к тому, что он и сам, должно быть, толком не смог бы ответить, кто же он – мужчина или женщина.

Последнюю попытку вернуть себе мужской пол д'Эон предпринял, когда ненадолго приехал во Францию. Он самовольно обрядился в парадный драгунский мундир и явился в нем при дворе. Такое нарушение обязательства до конца дней числится женщиной кончилось тем, что его арестовали. Он попробовал было отговориться, мол, у него нет средств, чтобы приобрести необходимый дамский гардероб. Тогда сама королева велела за ее счет одеть бедную девицу и прислала личную модистку. Король же потребовал письменно подтвердить отказ д'Эона носить драгунский мундир или вообще какой-либо мужской костюм.

После этого он возвратился в Лондон, где продолжал, согласно данному им обязательству, одеваться в женское платье. Когда во Франции началась революция, ему перестали выплачивать пенсию – главное условие, по которому он обязан был изображать женщину. Казалось, д'Эон мог совершить еще одно последнее превращение. Но, как ни странно, он пожелал остаться в женском наряде.

Последние восемнадцать лет он прожил в Лондоне, добывая себе на пропитание уроками фехтования. В учениках тем более не было отбоя, что уроки давала мадемуазель д'Эон, одинаково ловко владевшая и веером, и шпагой.

Умер д'Эон в 1810 году в возрасте восьмидесяти двух лет. Сразу же была создана целая комиссия, чтобы освидетельствовать тело и раз и навсегда разрешить загадку: Шарль или Женестьева этот д'Эон? При сем присутствовали помимо трех врачей прокурор, священник, французский консул и еще человек двенадцать в качестве понятых.

В протоколе, подписанном врачами и всеми присутствующими, было сказано, что при обследовании тела шевалье д'Эона неопровержимо установлено, что «мужские органы у него нормальны во всех отношениях, без всякой примеси другого пола».

Тайны «девицы де Бомон» больше не существовало. Шутка с переодеванием, начавшись однажды на придворном маскараде в присутствии графа Сен-Жермена, затянулась чуть ли не на полвека. Именно столько времени в общей сложности пробыл д'Эон в женском платье.

БРИЛЛИАНТ ОРЛОВА

Виват императрице!

Побывал в далекой России и граф Сен-Жермен. Едва ли его приезд был связан с какой-либо секретной миссией (хотя исключить этого нельзя), как, скажем, поездка д'Эона. Нет, скорее всего, он прибыл в Петербург по приглашению своего давнего знакомого и друга, известного итальянского художника графа Пьетро Ротари, работавшего тогда в русской столице в качестве придворного живописца. Есть, правда, основания полагать, что уже тогда Сен-Жермен был знаком с Григорием Орловым и приехал в Северную Пальмиру по его приглашению.

В Петербурге Сен-Жермен в сопровождении художника посещал самые известные семейства – Разумовских, Юсуповых, Голицыных... Как и в Лондоне, очаровал своих

слушателей виртуозной игрой на скрипке. И даже посвятил написанную им музыкальную пьесу для арфы графине А. И. Остерман, урожденной Талызиной. Общался он и с торговцем Маньяном, который занимался скупкой и продажей драгоценных камней. Этот негодник откладывал дефектные камни и передавал их графу, с тем «чтобы тот придавал им исходный блеск». Бывал Сен-Жермен и у княгини Голицыной, правда, неизвестно, у которой именно.

Зато точно известно, что жил Сен-Жермен в Графском переулке около Аничкова моста на Невском. Пробыл в Петербурге граф недолго. И когда в начале июля 1762 года произошел переворот, Петр III был свергнут своей супругой Екатериной Алексеевной, графа Сен-Жермена в столице уже не было. Тем не менее ходили упорные слухи, что он принимал участие в подготовке переворота и был чуть ли не одним из активных заговорщиков, хотя «его имя нигде среди прочих не цитируется».

Однако Ф. Тастевэн в книге «История французской колонии в Москве» без обиняков заявляет, что знаменитый Сен-Жермен «организовал переворот 1762 года, в результате которого император Петр III лишился сначала престола, затем жизни». А исследовательница жизни Сен-Жермена англичанка И. Купер-Оукли пишет, что «граф Сен-Жермен был в этих краях в эпоху Петра III и покинул Россию по восхождению Екатерины II на престол...». Будто бы даже был удостоен звания генерала русской армии. Во всяком случае, наша отечественная исследовательница О. Володарская говорит в своей работе «Вслед за таинственным графом», что «неоспоримым является факт, что Сен-Жермен находился в России в 1760–1762 годах и вместе с братьями Орловыми сыграл заметную роль в дворцовом перевороте, который 28 июня 1762 года возвел на российский трон новую императрицу».

...Великая княгиня Екатерина отличалась тонкой талией, прекрасной кожей и зовущими к поцелуям губами. В пятнадцать лет, совсем еще юной, когда она называлась Софией-Фредерикой-Августой и была ангальт-цербской принцессой, ее отдали замуж за двоюродного брата – Петра, сына герцога Голштинского и его жены Анны, дочери Петра I, и племянника царицы Елизаветы Петровны. Он тоже был немцем и стал наследником российского престола по воле тетки Елизаветы. У него была скверная репутация: мерзкий шут, похожий на маленькую обезьянку, коварный обманщик и трус. Он был несносен. И с теми же проблемами, что и у Людовика XVI: в течение семи лет у него не хватало смелости согласиться на хирургическую операцию, которая позволила бы ему исполнять супружеские обязанности. Мария-Антуанетта ждала, покорившись судьбе. Но Екатерина не умела ждать.

Сначала она обратила благосклонный взгляд на молодого и красивого офицера Сергея Салтыкова. Он ухаживал за ней в 1752 году.

«Я вела себя хорошо всю весну и лето, хотя видела его по нескольку раз в день», – писала она в мемуарах. Екатерина «вела себя хорошо» до того дня, когда ее фрейлина, определенная при ней царицей Елизаветой, не была строго отчитана государыней за то, что у Екатерины не было до сих пор ребенка.

– Этого не случается без причин, – оправдывалась фрейлина.

Через несколько дней фрейлина начала с Екатериной откровенный разговор о том, что надо и чего не надо делать, чтобы облегчить брачные отношения.

– Бывают ситуации, когда в высших государственных интересах можно нарушить некоторые правила поведения.

Екатерина была удивлена, но не стала ее останавливать.

– Я очень люблю свою родину, престолу нужен наследник, и если супруг не может Вам помочь... Я не сомневаюсь, что кто-то Вам приглянулся. Вам выбирать, кто Вам больше нравится: Сергей Салтыков или Лев Нарышкин. Если я не ошибаюсь, это последний!

Екатерина не сдержалась и воскликнула:

– Нет-нет. Совсем наоборот.

После короткого молчания фрейлина добавила:

– Я не буду чинить вам препятствий...

Через год Екатерина родила сына, будущего царя Павла I. Великая княгиня любила Сергея Салтыкова, но однажды она напрасно прождала его всю ночь.

«Моя гордость не позволила мне простить измену!» – писала Екатерина.

Она порвала с ним и заменила неверного любовника на юного и неопытного Станислава-Августа Понятовского, который отдал ей свою невинность и подарил ребенка. Петр III признал его, как своего.

В 1760 году Екатерина рассталась с Понятовским. Он вернулся в Польшу, а она быстро утешилась – будущая царица была еще очень молода. В 1761 году она мечтала и вздыхала о неотразимом поручике Григории Орлове, об этом «гиганте с лицом ангела». Он служил в полку, который охранял дворец, вместе с четырьмя братьями.

Английский посол Уильямс так его описывал: «Григорий Орлов отчаянно смел, смел до безрассудства. Это человек, жаждущий водки, власти и славы, искатель приключений и ужасный волокита».

Генерал Шувалов застал его в постели своей любовницы, княгини Куракиной. В те времена нравы при дворе были очень свободными. Генерал позвал слуг и приказал бить Орлова кнутом:

– Пока не слезет шкура с наглеца!

Геркулес Орлов без боя не сдался и устроил настоящее побоище. Говорят, что он уложил сотню лакеев. Скорее всего, их было в несколько раз меньше, но звучало красиво.

Куракина была потрясена, ослеплена, покорена. И когда генерал потребовал от нее сделать выбор, она выбрала молодого и крепкого офицера, а не стареющего вояку.

История быстро разлетелась по всему городу и позабавила Екатерину. Как утверждали, Екатерина свободно пользовалась любовниками Куракиной. Великая княгиня особо любила авантюристов и поэтому решила поближе познакомиться с этим героем, с этим сумасшедшим игроком, погрязшим в долгах, волокитой и пьяницей, о котором говорили, что он «одновременно спит в двух постелях и пьет из двух бутылок».

Достаточно было Екатерине высказать вслух свое желание познакомиться с Григорием Орловым, как горничная ей предложила:

– Поклянитесь, что не откроете, кто Вы, и я сведу Вас с ним.

В тот же вечер она подкараулила возвращающегося домой Григория. Он, как всегда, был навеселе. Горничная улыбнулась, состроила глазки молодому офицеру, а потом сделала вид, что хочет ускользнуть. Григорий догнал ее, стал целовать и обнимать, она отбивалась:

– Ах, господин, лучше следуйте за мной к моей хозяйке. Она влюблена в Вас и красива, как день.

Орлов ни минуты не сомневался:

– Веди меня к ней!

– Моя хозяйка хочет сохранить инкогнито. Поэтому я завяжу Вам глаза платком, не бойтесь, Вам не придется раскаиваться, клянусь честью.

Орлов согласился. Красотка отвела его в карету, которая покружила вокруг дворца, чтобы он не догадался, где находится. Потом провела офицера потайным ходом в комнату, где Екатерина ожидала его, как говорят, совсем нагая. Сняв повязку, Григорий был так потрясен красотой ее тела, что не стал, разглядывать лица. Он тем более не узнал княгиню, так как на службе видел ее только издали. Орлов превзошел все ожидания молодой женщины.

...Императрица Елизавета скончалась 25 декабря 1761 года, в праздник Рождества Христова. Обезьяноподобный великий князь стал царем Петром III, императором Всея Руси, а Санкт-Петербург ждал свою новую императрицу – Екатерину Алексеевну.

Переваливаясь с боку на бок, гримасничая, новый царь шел за катафалком. В траурную золоченую колесницу были впряжены двенадцать лошадей, укрытых попонами, их вели под уздцы казаки. Вдоль всего пути до Петропавловской крепости протянулись ряды войск. Было ужасно холодно. С саблей наголо Орлов стоял во главе своих солдат и наблюдал за процессией. Внезапно он вздрогнул: в царской карете сидела та самая таинственная женщина, подарившая ему несколько месяцев назад прекрасную ночь, которую он не мог с тех пор забыть. Царица?! С той ночи Григорию постоянно снилось ее тело. Он мечтал о ней в

объятиях других женщин.

Орлов был так потрясен своим открытием, что чуть было не бросился за каретой. Конечно, если бы он, потеряв благоразумие, явился прямо в ее покои, она бы встретила его с радостью, тем более что была беременна от Орлова. Ее супруг, новоиспеченный император, хоть и приобрел после операции то, чего был лишен до нее, был для нее чужим и нежеланным.

Екатерина и Григорий понимали, что надо избегать опрометчивых шагов. После смерти Елизаветы обострилась борьба за власть. Не искал ли Петр III только предлога, чтобы уличить ее в измене и сослать в монастырь? А сам бы женился на своей любовнице – Елизавете Воронцовой? Если бы Петр узнал о ее беременности, она погибла бы! Царице всякими хитростями с помощью нарядов удавалось очень долго скрывать свою беременность. Когда это стало уже невозможно делать, она притворилась, что, упав, растянула связки на ноге и поэтому должна оставаться в постели.

Двадцать девятого апреля 1762 года, когда начались схватки, ее камергер саморучно поджег дом на окраине Санкт-Петербурга. Царь, большой любитель пожаров, отправился туда вместе с придворными. Какое зрелище! Петр трепетал от восторга и разгонял кнутом тех, кто пытался тушить пожар.

К тому времени, когда он вернулся во дворец, императрица уже родила мальчика (его нарекут графом Бобринским), а Орлов вынес его под своим плащом из дворца...

Петр III на сей раз ни о чем не догадался, но по-прежнему относился с большим презрением и враждебностью к своей супруге, оскорблял царицу при придворных, заявлял, что избавится от нее и женится на Елизавете Воронцовой.

Хотел ли он убить Екатерину? Французский посол утверждал, что да. Затем отказался от своих планов. Как бы там ни было, драма завязалась: Екатерина или Петр – кто победит?

В пятницу девятого июля 1762 года Екатерина находилась в Петергофе. Царь был в Ораниенбауме с любовницей.

Дверь павильона Монплезира, где жила царица, внезапно распахнулась. Было пять часов утра. Вошел Алексей Орлов – Алексис со шрамом – брат Григория.

– Я искал Вас, государыня!

– Что случилось?

– Пассек в тюрьме!

Пассек был одним из самых преданных сторонников Екатерины среди заговорщиков.

– В казармах ходят слухи, что царь дал приказ арестовать Вас после вечерней службы. Солдаты волнуются и ждут Вашего приказа, матушка!

Екатерина торопливо оделась. Через несколько минут карета Алексея Орлова мчалась в сторону Санкт-Петербурга. Лошадей нещадно нахлестывали, и за несколько верст до города они пали. Неподалеку какой-то крестьянин пас лошадей. Орлов забрал его лошадей, и карета помчалась дальше.

В семь часов тридцать минут карета остановилась у Измайловских казарм. Григорий Орлов был уже там. Он построил солдат, которые громко приветствовали царицу. Екатерина улыбалась Григорию, восхищенная его смелостью.

Но надо было еще поднять Семеновский полк. Карета помчалась туда, а солдаты кричали ей вслед:

– Да здравствует наша матушка императрица Екатерина! Мы пойдем за тебя на смерть!

Семеновский полк тоже присоединился к восставшим. Оставался еще знаменитый Преображенский полк. Он был приведен в боевую готовность и казалось, вот-вот откроет огонь по мятежникам.

Григорий Орлов, поднявшись на стременах, обратился к преображенцам с речью. Офицеры полка отказались следовать за ним, напомнив Орлову о присяге на верность царю, которую он давал.

Если офицеры прикажут открыть огонь, это будет означать начало гражданской войны в столице. Екатерина проиграла бы ее. Она не смогла бы противостоять голштинцам Петра и

всей армии.

Положение было отчаянное. Екатерина вышла из кареты и сама обратилась к офицерам и солдатам. Она была прекрасна: черные волосы развевались по ветру, глаза сверкали на бледном от волнения лице, а щеки горели.

Один из командиров полка, князь Меншиков, не выдержал и закричал:

– Виват императрице! Виват!

Мощный хор голосов подхватил его слова. Многие солдаты выходили из рядов и окружали «матушку государыню». Они целовали ей руку и туфли.

Победная улыбка осветила лицо молодой женщины. Три полка пошли за ней к Казанскому собору, где она была провозглашена самодержицей России. Григорий Орлов стоял с ней рядом. Было девять часов утра. Катенька становилась Екатериной Великой... Она позаимствовала у стройного капитана Голицына его офицерскую форму, которая подчеркнула красоту ее фигуры, соболью накидку. Со шпагой в руке вскочила на коня и отправилась за одобрением Сената и Синода.

Орлов смотрел на нее с любовью. Впервые в жизни он испытывал такое чувство к женщине, чувство, в котором смешались любовь и восхищение ею и собой – его любовница правит всей Россией, а он царствует над этой женщиной!

Победа? Пока еще нет. Пока еще Петр III – главнокомандующий всей армией огромной страны.

В это утро, девятого июля, царь, который ничего не знал о происходящем, прибыл в Петергоф. Он вошел в Монплеизир – тихо, пусто. Ни слуг, ни придворных. Он шел по пустым залам, крича: «Катерина! Катерина!»

Шум шагов заставил его вздрогнуть. Это был канцлер Воронцов. Он получил секретное донесение, но не отважился начать разговор.

– Ну так что за новость вы хотите мне сообщить? – не выдержал Петр III.

– Екатерина провозглашена самодержицей в Санкт-Петербурге.

Гнев, ужасный гнев обуял царя, он дико закричал, затопал ногами, отдавал несвязные приказы опешившим придворным. Собрался идти приступом на город. Потом зарыдал, потерял сознание. Его привели в чувство. Петр приказал подать ему полный стакан бургундского, выпил залпом, заходил большими шагами по зале, выкрикивая:

– Убить Екатерину, убить!

Он был в истерике. По совету фельдмаршала Минниха попытался было укрыться в Кронштадте, но безуспешно – гарнизон отказался его поддержать. Петр был сломлен и согласился подписать отречение, присланное ему Екатериной:

«В краткое время правительства моего самодержавного Российским государством самым делом узнал я тягость и бремя, силам моим несогласное, чтоб мне не токмо самодержавно, но и каким бы то ни было образом правительства владеть Российским государством. Почему и восчувствовал я внутреннюю оною перемену, наклоняющуюся к падению его целости и к приобретению себе вечного чрез то бесславия. Того ради, помыслив я сам в себе, беспристрастно и непринужденно чрез сие объявляю не токмо всему Российскому государству, но и целому свету торжественно, что я от правительства Российским государством на весь век мой отрицаюсь... в чем клятву мою пред богом и всецелым светом приношу нелицемерно, все сие отрицание написав моею собственной рукой».

Петру дали переодеться в гражданское платье и отправили в Ропшу, в его новую «резиденцию». Алексей Орлов должен был его охранять. Петр был подавлен, растерян, со слезами на глазах просил позволения взять с собой в Ропшу свою скрипку, обезьянку, негра-слугу и любовницу. Скрипку ему разрешили взять, а Елизавету Воронцову отправили в Москву под конвоем.

И вот Екатерина II царствует. В покоях царицы почти семейная сцена: Григорий растянулся на кровати, а Екатерина с любовью перевязывает легкие раны на стройной ноге любовника...

Утром, 17 июля, императрице принесли депешу от Алексея Орлова:

«Матушка милосердная государыня. Как мне изъяснить, описать, что случилось, не поверишь верному своему рабу; но, как перед Богом, скажу истину. Матушка! Готов идти на смерть; но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка – его нет на свете... Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руку на государя. Но, государыня, свершилась беда. Он заспорил за столом с князем Федором Барятинским; не успели мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помним, что делали; но все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть для брата. Повинную тебе принес и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее окончить. Свет не мил: прогневали тебя и погубили души навек».

Братья Орловы убили Петра III. Первым порывом Екатерины был гнев:

– Я в ужасе от этой необъяснимой смерти. Эта рана у меня в сердце!

Но рана быстро затянулась. Екатерина прекрасно понимала: то, что задумали и осуществили Орловы, было ей на пользу. Пока Петр III был жив, она не могла спокойно царствовать. И потом – императрица была безумно влюблена в Григория Орлова и не могла долго сердиться на него. Она осыпала его подарками, сделала графом, потом князем, назначила ему неслыханное содержание в сто двадцать тысяч рублей, подарила дворец. При нем были свои придворные.

Екатерина хотела даже с ним обвенчаться, но все министры ополчились против этого намерения.

– Госпожа Орлова не может царствовать над империей!

Опьяненный своим успехом, Григорий стал просто невыносим: безобразно грубо обращался с Екатериной, открыто ей изменял. Она терпела.

Императрице понадобились годы, чтобы излечиться от этой любви. Она нашла ему замену – у Великой Екатерины было много фаворитов, но Орлов остался ее большой любовью. Когда он умер в апреле 1783 года, Екатерина написала в дневнике: «Мне сказали много слов утешения, и я сама себя пытаюсь успокоить, но не могу остановить рыдания...»

Был ли Сен-Жермен замешан в событиях, разыгравшихся при царском дворе?

В подтверждение того, что Сен-Жермен все же был причастен к ним, приводят свидетельство собирателя прошлого века Пыляева. Ему удалось приобрести в Петербурге на аукционе нотный листок с мелодией для арфы, помеченный 1760 годом, – сочинение графа Сен-Жермена в красивом переплете из красного сафьяна. Ноты были посвящены графине Остерман и подписаны Сен-Жерменом.

Если это так, то граф пробыл в русской столице около полутора лет и покинул ее накануне переворота. Впрочем, повторяю, абсолютно достоверных данных о его пребывании здесь нет. Ничего не дало и расследование П. Шакорнака, установившего лишь, что у Сен-Жермена «не было никаких сношений с Екатериной II» и что в официальных документах того времени, согласно справке, полученной Шакорнаком в 1932 году в ленинградском архиве, «имя Сен-Жермена нигде среди прочих не упоминается».

Предполагали, что в Петербурге Сен-Жермен действовал под именем Одара, сыгравшего известную роль в то время. Он был адвокатом при городской торговой палате, но незнание русского языка помешало ему исполнять эту должность. Тогда при поддержке княгини Дашковой, одной из вдохновительниц переворота, итальянец пытался стать секретарем Екатерины, но и эта попытка не удалась. В конце концов он получил должность интенданта в загородном доме Петра III в Ораниенбауме. Незадолго до переворота его видела там Дашкова, о чем пишет в своих мемуарах.

Заманчиво, конечно, представить, что Сен-Жермен под именем Одара вошел в доверие Петра III и помогал заговорщикам. И все же едва ли есть веские основания отождествлять Одара с Сен-Жерменом.

Свидетельство И. Купер-Оукли послужило основанием писателю Николаю Дубову уже в наше время вывести Сен-Жермена в своем историческом романе «Колесо Фортуны», где граф является самым значительным и самым загадочным героем. На страницах книги Н.

Дубова действуют многие персонажи той эпохи – мадам Помпадур, Екатерина II, Григорий Орлов и др. Граф Сен-Жермен участвует в свержении Петра III, он посвящен в тайное-тайных российской императрицы и этим становится в конце концов опасным. Она решает избавиться от нежеланного свидетеля и посылает к нему убийцу...

В Петербурге граф Сен-Жермен встречался с князем Григорием Орловым и, по его словам, которые приводит та же И. Купер-Оукли, действительно «сыграл немаловажную роль в русском перевороте». Был знаком Сен-Жермен и с другим участником этого события, с одним из заговорщиков Алексеем Орловым, братом предыдущего. Позже будто бы вместе с ним – главнокомандующим русским флотом – находился на флагманском корабле «Три Иерарха» во время Чесменского сражения с турками в 1770 году. А в 1773 году Сен-Жермен снова встретился со своим старым знакомцем Григорием Орловым и выступил в роли его советника в Амстердаме. Он помог князю купить знаменитый бриллиант.

К тому времени некогда всесильный фаворит князь Григорий Орлов оказался оттесненным новыми фаворитами императрицы – Васильчиковым и Потемкиным. И то ли надеясь поправить свое положение при дворе, то ли по старой памяти, – как говорится, старая любовь не ржавеет, – он решил преподнести ко дню ангела Екатерины драгоценный камень. Это был зелено-голубой бриллиант в 189 каратов, по форме напоминавший половину голубинового яйца и ограненный венецианским мастером Борджио, работавшим при дворе Великих Моголов. Существует несколько версий истории этого камня и то, как он оказался в России при посредничестве Сен-Жермена.

По одной из версий, в самом первом упоминании об этом бриллианте говорится, что он был вставлен в глаз идола в одном из храмов Срирангама на юге Индии недалеко от Мадраса. Храм располагался на острове реки Каувери и был посвящен богу Вишну.

Однажды около храма поселился французский солдат-дезертир. От местных жителей он узнал, что в храме стоит скульптура бога Вишну, у которого глаза сделаны из двух больших бриллиантов. Он решил завладеть этими драгоценностями. Но как ему, европейцу, человеку иной веры, проникнуть в храм? Чтобы осуществить свой план, он сменил веру и устроился на работу в храм. Скоро ему удалось добиться доверия браминов, охранявших святилище. Они даже позволили ему проникать в святая святых – помещение, где стояло изваяние бога Вишну.

Настал момент, которого француз так долго и терпеливо ждал. Ночью разразилась страшная гроза, бушевал ветер, и по храму металась таинственные тени. Пробравшись в святилище, француз извлек один из бриллиантов из глазницы. Но тут мужество изменило ему. Буря ревела, завывал ветер, и похитителю казалось, что настал его смертный час. Объятый ужасом, он бросился прочь из храма, оставив второй бриллиант на месте. Перелез через стену, переплыл реку и укрылся в джунглях.

Вскоре француз добрался до Мадраса, где и продал от греха подальше бриллиант за две тысячи фунтов стерлингов какому-то английскому капитану. Тот привез камень в Лондон и сбыв его одному торговцу за 12 тысяч фунтов стерлингов. В свою очередь тот перепродал бриллиант армянскому купцу по имени Ходжа Рафана. По словам одного персидского путешественника, Ходжа Рафана был «отъявленный старый негодяй», немало повидавший на своем веку и понимавший несколько языков. Он-то якобы и привез бриллиант в Амстердам, где и продал его князю Орлову.

По другой версии, более правдоподобной, бриллиант принадлежал правителям из династии Великих Моголов. Надир-шах, захватив их столицу Дели, заполучил вместе с другими и этот драгоценный камень. Когда в 1747 году Надир-шах был убит, бриллиант достался некоему афганцу-солдату, приближенному покойного шаха. Он добрался до Бассораха, крупного города в двенадцати километрах от порта Басры на берегу Персидского залива.

Бассорах, основанный калифом Омаром I в 636 году, известен нам по сказкам «Тысячи и одной ночи». Здесь-то афганец и показал свой бриллиант армянскому торговцу по имени Григорий Сафрас. Тот был поражен, увидев такое богатство в руках бедного солдата,

который, видимо, и не понимал, сколько стоит этот камень. Сафрас предложил купить у него бриллиант. Но цена показалась продавцу недостаточной, к тому же он заподозрил неладное. Короче говоря, неожиданно владелец камня исчез из города.

Объявился он в Багдаде, где и продал бриллиант за 65 тысяч пиастров, тогда около 500 фунтов стерлингов. После чего начал транжирить деньги по кабакам, пьянствовать и кутить. Тут-то и столкнулся с ним вновь Сафрас. Узнав, кому продан камень, он отправился к новому хозяину бриллианта и предложил за него цену вдвое больше той, что была уплачена солдату. Но хозяин бриллианта не пожелал расставаться с сокровищем. Тогда Сафрас вместе с двумя своими братьями убил владельца камня. Заодно прикончили и беднягу солдата как нежелательного свидетеля. Оба тела бросили в реку Тигр.

Кровавые расправы на этом не кончились. Все шло гладко, пока не настало время злодеям делить добычу. Каждый из трех братьев требовал бриллиант себе. Но разделить его на три равные части было невозможно, а отказаться от своей доли ни один из братьев не хотел. Тогда коварный Сафрас поступил с братьями точно так, как они со своими жертвами: совершил два братоубийства. И сбросил мешок с трупами в воды Тигра.

После чего армянин счел за благо унести побыстрее ноги. Он уехал в Константинополь, откуда через Венгрию и Силезию добрался до Амстердама, где тогда находился рынок бриллиантов. Здесь он и осел, выдавая себя за торговца драгоценными камнями.

Вскоре молва о невиданной красоты бриллианте распространилась по Европе. Узнала об этом и Екатерина II. Она пригласила Сафраса в Петербург (в России его называли «миллионщик Шафрасов»), где свела его со своим ювелиром Иваном Лазаревичем Лазаревым – армянским купцом из Астрахани. Но Сафрас наотрез отказался продать свое сокровище, вернее, он заломил за него невероятную цену.

Тогда в игру вступил хитроумный вельможа Никита Иванович Панин, близкий к императрице человек. Он вошел в доверие к Сафрасу и стал приучать его к роскошному образу жизни, что тому было явно не по карману. Вскоре Сафрас влез в долги, а оплатить их наличными он не мог.

Тут Панин и предложил свои услуги – ссудил часть суммы. Вышло так, что Сафрас целиком стал зависеть от милости царедворца. Казалось, еще немного, и план Панина осуществится – бриллиант будет продан. Но каким-то образом Сафрасу удалось собрать необходимые деньги в армянской общине Петербурга, он расплатился с долгами и поспешил уехать из русской столицы.

Объявился Сафрас в Голландии. В своем завещании, написанном накануне отъезда из России в 1771 году, Сафрас назначил своим душеприказчиком Иоганна Агазара – это немецкое написание имени Ивана Лазарева.

В завещании сказано, что «октября 1-го 1767 года, в амстердамском банке им для сохранения за тремя печатями на красном воску положенный пакет, в котором Ост-индианскому мину камень алмаз весом в 779 граммов голландских находится...».

С этого момента камень стали называть «Амстердамский». А в 1773 году Лазарев засвидетельствовал, что «Григорий Сафрас своего одного сто девяносто пяти каратового алмаза половинную часть продал мне за 125 000 рублей...». Тот в свою очередь «означенный алмаз продал светлейшему князю Орлову». Князь специально прибыл в Амстердам, встретился здесь с графом Сен-Жерменом и, возможно, при его посредничестве приобрел заветный бриллиант, о котором мечтала российская императрица.

Орлов заплатил за камень полтора миллиона флоринов, то есть четыреста тысяч рублей, и в день ангела Екатерины преподнес ей бриллиант. В ноябре 1773 года прусский посланник доносил королю Фридриху: «Сегодня князь Г. Орлов в Царском Селе поднес императрице вместо букета – алмаз, купленный им за 400 000 рублей у банкира Лазарева. Камень этот был выставлен в этот день при дворе». Императрица повелела вставить бриллиант, отныне называемый «Орлов», в державный скипетр российской империи.

Есть, правда, и еще одна версия покупки этого бриллианта. Якобы существует документ, подписанный Орловым и Лазаревым, который рисует совершенно иную картину

приобретения этого камня. По этой версии Орлов будто бы выполнял только роль посредника в сделке и что сама Екатерина II купила этот бриллиант. Императрица обратилась к услугам посредников по двум причинам. Во-первых, она хотела подчеркнуть свою «немецкую бережливость» по сравнению с безумными тратами своих предшественников на русском престоле; а во-вторых, считала, что ей не следует, как монарху, публично торговаться из-за цены, а посему и поручила это Орлову.

И уж совсем невероятной кажется легенда, связанная с этим камнем и относящаяся к наполеоновским временам.

Когда войска Наполеона в 1812 году подошли к Москве, бриллиант «Орлов» спрятали в кремлевской гробнице одного священнослужителя. Войдя в Москву, Наполеон приказал отыскать спрятанный камень. Узнав, где он находится, Наполеон в окружении свиты направился к гробнице. Когда ее вскрыли, все увидели знаменитый бриллиант. Один из телохранителей Наполеона протянул руку, чтобы схватить камень, но вдруг из могилы восстал призрак усопшего и с проклятиями обрушился на захватчиков. Наполеон со своими приближенными в ужасе бежали... Такова легенда.

Что касается роли Сен-Жермена в этой истории, то, повторю, этому есть лишь косвенные свидетельства. Но фактом остается то, что граф «был другом и доверенным лицом Орлова», помогал ему в Петербурге накануне переворота 1762 года и будто бы даже Орлов выплачивал «дорогому отцу» крупные суммы за предсказания будущих побед Екатерины II и за помощь в воцарении ее на российском престоле. Дружба между Орловым и Сен-Жерменом сохранилась на годы и продолжилась в Амстердаме, где был куплен знаменитый бриллиант.

Силуэт «пиковой дамы»

Однажды при французском дворе во времена Людовика XV, как обычно, шла карточная игра. За зеленым столом рядом с королевой сидела маркиза Дюшатле, подруга знаменитого Вольтера. В первый же вечер маркиза проиграла четыреста луидоров – все свои наличные деньги. Вольтер из собственных средств ссудил маркизу еще двумястами, но и они немедленно уплыли из рук азартной маркизы. Остановиться она уже не могла. Под большие проценты получила в долг немалую сумму. Однако и их спустила за зеленым столом. В конце концов ее долг превысил восемьдесят тысяч франков.

– Остановитесь, мой друг, это уже безумие! – заметил ей Вольтер. Но потерявшая над собой контроль маркиза Дюшатле отвечала одним: увеличивала ставку в игре.

Тогда Вольтер решил в качестве стороннего наблюдателя последить за игрой. Сидя рядом с маркизой, он сказал ей по-английски: «Разве вы не видите, что имеете дело с жуликами?»

Слова услышали, это было заметно по лицам игроков. Вольтер побледнел. Перед ним предстал призрак Бастилии. В тот же миг прошел карточный азарт и у маркизы. Незаметно Вольтер приказал подать карету и вместе с маркизой ночью покинул королевский дворец в Версале.

У Пушкина в «Пиковой даме» тоже рассказано о *jeu de la Reine* (карточной игре у королевы), во время которой русская графиня, *la Vénus moscovite*, проигралась дотла. И это тоже был подлинный случай. О нем Пушкину рассказал внук этой самой «московской Венеры». Звали ее княгиня Наталия Петровна Голицына. В молодости она бывала при французском дворе. Так вот, проигравшись тогда в Париже, она, по словам внука княгини, решила прибегнуть к помощи таинственного и богатого графа Сен-Жермена. Что было между ним и русской княгиней, точно неизвестно, хотя внук утверждал, что его бабушка любила графа без памяти и сердилась, если о нем говорили с неуважением. Так или иначе, она сочла возможным обратиться к графу, зная, что тот располагает большими деньгами. Написала ему записку и просила немедленно к ней приехать. Граф Сен-Жермен тотчас же явился, и она рассказала, что надеется на его дружбу и любезность и на то, что он поможет

ей необходимой суммой. «Я могу вам услужить этой суммой, – сказал он, – но знаю, что вы не будете спокойны, пока со мною не расплатитесь, а я бы не желал вводить вас в новые хлопоты. Есть другое средство: вы можете отыгаться». «Но, любезный граф, – отвечала бабушка, – я говорю вам, что у нас денег вовсе нет». «Деньги тут не нужны, – возразил Сен-Жермен: – Извольте меня выслушать. Тут он открыл ей тайну, за которую всякий дорого бы дал...» Сен-Жермен назвал княгине три карты, поставив на которые она непременно отыграется.

Много лет спустя внук княгини Голицын рассказал Пушкину, что раз он проигрался и пришел к бабке просить денег. Денег она ему не дала, а сказала три карты, назначенные ей в Париже Сен-Жерменом.

– Попробуй, – сказала бабушка.

Внук поставил карты и отыгрался.

Дальнейшее развитие пушкинской повести все вымышлено. Так под пером Пушкина семейное предание превратилось в гениальное литературное произведение.

В повести внук графини, получивший фамилию Томский, рассказывает, что граф Сен-Жермен, который выдавал себя за вечного скитальца, за изобретателя жизненного эликсира и философского камня, по просьбе бабушки назвал ей три карты, наверняка могущие принести выигрыш. Когда герцог Орлеанский метал, «она выбрала три карты, поставила их одну за другою: все три выиграли ей соника, а бабушка отыгралась совершенно.

– Случай! – сказал один из гостей.

– Сказка! – заметил Германн.

– Может статья, порошковые карты? – подхватил третий (то есть карты, которыми пользовались шулера. – Р. Б.).

– Не думаю, – отвечал важно Томский».

Все исследователи согласны в том, что Пушкин использовал рассказ о подлинном случае. Точно у него и время, когда это произошло. Сен-Жермен действительно находился в Париже с начала 1770 года по 1774 год и вполне мог встречаться с русской княгиней, бывшей там же. Так же, как точен он в описании внешности графа Сен-Жермена и самой княгини, послужившей прототипом его героини с ее поразительной историей.

...История старинного подмосковного села Большие Вяземы восходит ко временам Бориса Годунова. По преданию, здешние церковь и большой пруд были сооружены в конце XVI века. Об этом свидетельствуют польские надписи на стенах церкви эпохи Смутного времени. Неподалеку от Вязем, вотчины князей Голицыных, в двух километрах находилось Захарово – имение М. А. Ганнибал, бабушки А. С. Пушкина.

В детстве поэт нередко гостил у своей бабки. Часто, особенно по праздникам, семейство Пушкиных отправлялось в соседние Вяземы к обедне. Возможно, здесь, в Вяземах, будущий поэт встречал хозяйку поместья – знаменитую Наталию Петровну Голицыну, урожденную Чернышеву. Тогда это была уже пожилая дама, очень некрасивая, умная, но своевластная, с крутым нравом и сильным характером. Про нее рассказывали самые невероятные легенды. Поговаривали, что дедом ее был сам Петр I.

Жизнь Наталия Петровна прожила долгою. Застала еще то время, когда дамы в робронах танцевали минуэт, когда увлекались музыкой Рамо и Глюка. Бывала в Германии, Англии и Франции. Пережила пятерых русских царей, видела нескольких иностранных владык. При русском дворе была удостоена звания статс-дамы, неоднократно награждалась высшими орденами. В молодости много лет почти безвыездно жила за границей.

Вернувшись домой, молодая аристократка окунулась в светскую жизнь – балы, домашние спектакли, карусели. На одном из этих увеселений Наталия Петровна получила золотую медаль, вычеканенную в честь первого приза, выигранного ею на карусели своим «приятнейшим проворством».

Выйдя вскоре замуж, она вновь уехала во Францию, желая дать детям европейское образование. В Париже ее принимали в высшем свете, тогда-то и познакомилась она с

графом Сен-Жерменом. В Париже она стала свидетельницей того, как во время революции расправлялись с ненавистными аристократами.

Вполне вероятно, что посещения Вязем и связанные с этим разговоры о княгине Н. П. Голицыной запомнились будущему поэту. «Таким образом, – отмечал П. В. Анненков, первый биограф поэта, – мы встречаемся еще в детстве Пушкина с предметами, которые впоследствии были оживлены его гением». Одну из легенд о хозяйке Вязем А. С. Пушкин положил в основу своей «Пиковой дамы», изобразив в образе старой графини Наталию Петровну Голицыну.

Вторая глава пушкинской повести начинается с описания утреннего туалета старой графини. Как и в молодости, когда она была привлекательной и кружила головы мужчинам, графиня, по многолетней привычке, проводила у зеркала не один час. За этим занятием ее и застаёт внук Павел Александрович Томский, от которого герой повести Германн накануне узнал о тайне старой графини.

Упоминается в начале этой главы княгиня Дарья Петровна, известие о смерти которой так спокойно восприняла графиня, – родная старшая сестра Н. П. Голицыной, жена фельдмаршала графа И. П. Салтыкова. Факт этот тоже соответствует действительности. Будучи глубокой девяностолетней старухой, Наталия Петровна встречала сообщения о смерти близких родственников с поразительным равнодушием. «И в ус не дует», – писал по этому поводу П. А. Вяземский. Последнее замечание имело еще и особый смысл. Престарелую Голицыну за глаза называли «княгиня Усатая» – с годами на ее и без того некрасивом лице прорезались усы.

Пушкин, придав своей «пиковой даме» многие черты старой княгини, приписал, однако, ее молодости красоту, назвав «московскою Венерой». И только в этом, пожалуй, отошел от исторической правды. На самом деле прозвище Венера получила у парижан старшая дочь княгини, которая в отличие от матери была «очень хороша собою».

В повести описан и подлинный дом Н. П. Голицыной. Помните, Германн под впечатлением анекдота о трех картах бродит по вечернему городу? Внезапно, словно влекомый неведомой силой, «очутился он в одной из главных улиц Петербурга, перед домом старинной архитектуры... Германн остановился.

– Чей это дом? – спросил он у углового булочника.

– Графини***, – отвечал булочник».

Дом этот сохранился и по сей день, правда, в несколько перестроенном виде. Он стоит на нынешней улице Гоголя, 10. Во времена Пушкина этот дом был известен всему Петербургу. Когда Наталия Петровна, прожившая полвека во вдовстве, приезжала на зиму в Петербург, дом оживал, по средам неизменно давали балы, окна светились за полночь, к подъезду подкатывали одна за другой кареты, «шубы и плащи мелькали мимо величавого швейцара». К «княгине Усатой» съезжался, как тогда говорили, весь Петербург. Важная и внушительная хозяйка принимала всех сидя. Вставать она позволяла себе лишь при посещении ее царем. Это не помешало ей воспротивиться желанию царя, когда тот решил купить ее подмосковную дачу в Нескучном саду.

Обычно во время бала возле нее стоял кто-нибудь из многочисленных родственников (вся знать была ей родней) и называл гостей: с годами Наталия Петровна стала плохо видеть, да и на ухо была туга. Одних, смотря по чину и званию, старуха встречала лишь кивком, других удостаивала парой слов, иных совсем не замечала. «У себя принимала она весь город, соблюдая строгий этикет и не узнавая никого в лицо», – пишет А. С. Пушкин во второй главе.

Появлялась же она, неизменно поддерживаемая под руку кем-либо из своих приживалок и мерно постукивая костылем. Портрет графини, каким его рисует Пушкин, вполне соответствовал внешнему виду прототипа: сгорбленная старуха, в чепце, украшенном розами, напудренный парик на почти лысой голове, отвислые губы, «разрумяненная и одетая по последней моде».

Как было сказано, вопреки Пушкину, княгиня и в молодости не блистала красотой. А

как же портрет молодой красавицы с орлиным носом, с зачесанными висками и с розою в пудренных волосах, перед которым в спальне графини остановился Германн?

Здесь, как и в случае с прозвищем, Пушкин имеет в виду подлинный портрет Екатерины Владимировны Апраксиной – старшей дочери княгини. По всей вероятности, поэт не раз видел это изображение или копию с него у Апраксиных. На это в повести есть вполне определенное указание: Пушкин точно называет автора этой работы – французскую художницу Виже-Лебрен.

О том, как выглядела старая княгиня, мы тоже имеем представление. Сохранилось несколько ее изображений. По ним можно судить о верности портрета, набросанного Пушкиным, жизненному оригиналу. На силуэте, сделанном французским художником Сидо, – перед нами самая настоящая «пиковая дама». На портрете работы Рослэна – знатная придворная дама времен Екатерины II. Зачесанные виски и пудренные волосы, украшенные нитью из жемчуга... Есть еще один, более поздний по времени портрет княгини, на котором она нарисована в чепце.

В решающей, последней игре с Чекалинским (кстати, образ, также имевший вполне реального прототипа – московского барина и игрока В. А. Огонь-Догановского) Германн обдернулся, вместо туза у него стояла пиковая дама. «В эту минуту ему показалось, что пиковая дама прищурилась и усмехнулась. Необыкновенное сходство поразило его...

– Старуха! – закричал он в ужасе...»

Изображение пиковой дамы на карте и облик старой графини совпали в воображении героя повести. Видимо, «княгиня Усатая» действительно напоминала зловещую старуху. Современники признают, что она внушала страх. Ее властного и крутого нрава побаивались многие. «К ней везли каждую молодую девушку на поклон. Гвардейский офицер, только что надевший эполеты, являлся к ней, как к главнокомандующему», – вспоминает один из современников. Семья буквально трепетала перед ней. Муж был у нее под башмаком и боялся супруги своей как огня. «Род бабушкина дворецкого», – как охарактеризован он в повести. Дети ее, будучи уже в солидном возрасте и чинах, не смели при ней сидеть. Доходило до того, что ее сын – всесильный московский генерал-губернатор – должен был стоять перед матушкой навтыжку, словно перед высшим начальством.

Василий Львович Пушкин, дядя поэта, в стихах, посвященных ей, подобострастно воскликнул:

Повелевай ты нашими судьбами!
Мы все твои, тобою мы живем.

Умерла «княгиня Усатая», или, как ее еще называли современники, – «осколок прошлого», девяноста семи лет от роду, пережив почти на год автора «Пиковой дамы», изобразившего ее в своей повести под именем старой графини и связавшего ее историю с эпизодом из жизни графа Сен-Жермена.

Можно с уверенностью сказать, что автор повести «Пиковая дама» использовал реальные известные ему факты. Недаром Пушкин тревожился о том, как встретят в свете его повесть, когда она появилась в марте 1834 года в третьей книжке журнала «Библиотека для чтения». Успех пришел сразу же. «Пиковая дама» была одинаково популярна и в «пышных чертогах», и в «скромных жилищах». Объяснялось это прежде всего тем, что в повести, как отмечала критика, «есть черты современных нравов». Но именно это и беспокоило автора. Как примет новеллу аристократический Петербург, московская знать, представители которой так реалистически ярко были обрисованы Пушкиным? Как отнесутся к повести выведенные на ее страницах великосветские кутилы и игроки, прожигатели жизни, все эти Томские и Нарумовы, Сурины и Зоричи, Чаплицкие и Чекалинские?

Однако все сошло благополучно. Пушкин записывает в дневнике: «Моя «Пиковая дама» в большой моде. Игроки понтируют на тройку, семерку и туза. При дворе нашли сходство между старой графиней и княгиней Наталией Петровной и, кажется, не сердятся».

ИСПОЛНЕНИЕ ПРОРОЧЕСТВА

Воспоминания графини д'Адемар

В своих воспоминаниях графиня д'Адемар, близкая подруга королевы Марии-Антуанетты, рассказывает о встречах с Сен-Жерменом.

Мадам д'Адемар вела ежедневные записи, как это было тогда принято, а позже обработала свой дневник и издала его в виде книги. Записи эти охватывают длительный период времени – с 1760 по 1821 год. В приписке, сделанной на оригинале рукой графини и помеченной 12 мая 1821 года, отмечено, что на вопрос графини, заданный ею в свое время Сен-Жермену, увидит ли она его еще раз, он ответил: «Еще пять раз, о шестом не просите...»

Графиня д'Адемар пишет: «Я действительно еще встречала Сен-Жермена, и каждый раз совершенно неожиданно: первый раз на казни королевы, потом восемнадцатого брюмера, потом на следующий день после смерти герцога Этингенского (1804), в январе 1813 года и, наконец, накануне убийства герцога Беррийского (1820). Я жду, когда Господь позволит мне увидеть графа в шестой раз».

Все даты, приведенные графиней, представляют определенный интерес, потому что широко распространено мнение, будто Сен-Жермен умер в 1784 году. Некоторые авторы, правда, пишут, что он просто перестал появляться на публике. Вот что сообщает далее мадам д'Адемар: «Так как моя рука снова выводит имя графа Сен-Жермена, расскажу о нем следующее. При французском дворе он появился задолго до моего времени. Это, произошло в 1743 году: разнесся слух, что в Версаль прибыл несметно богатый (если судить по великолепию украшавших его драгоценных камней) незнакомец. Откуда? Никто никогда так и не узнал этого. С первого взгляда поражало его лицо: спокойно-надменное, очень умное и живое. Он был гибок и грациозен, с очень красивыми руками, изящными маленькими ногами; носил всегда обтягивающие панталоны, подчеркивающие безупречность его фигуры. Когда он улыбался, взору открывались белоснежные ровные зубы; на подбородке у него красовалась ямочка; волосы черные, глаза мягкие и проницательные. О! Что это были за глаза! Я никогда не видела ничего подобного. На вид ему можно было дать лет 40–45.

В начале 1768 года его вновь принимали в личных покоях, как и раньше...

В это же время со мной произошел примечательный случай. Я была одна в Париже, мсье д'Адемар уехал навестить своих родственников в Лангедоке. Было восемь часов утра, воскресенье. Я всегда слушаю мессу в полдень, поэтому как раз собиралась заняться своим туалетом для выезда. Но не успела я подняться и накинуть на плечи пеньюар, как моя старшая горничная мадемуазель Ростанд, которой я всецело доверяю, вошла в спальню и доложила, что меня желает видеть некий господин.

Визит к даме в восемь часов утра никак нельзя назвать светским.

– Это что, мой поверенный или адвокат? – спросила я. Эти господа имеют обыкновение преследовать любого, кто владеет хоть какой-то собственностью. – Или же это мой архитектор, а может, шорник или кто-то из наших фермеров?

Но нет, мадемуазель Ростанд отвечала отрицательно.

– Но тогда кто же это, моя дорогая?

Горничная, о которой идет речь, родилась в один день со мной, в том же доме, с той разницей, что я появилась на свет в роскошных апартаментах, а она – в комнатах привратника. Ее отец, престарелый, достойный уважения лангедокец, работал у нас.

– Я думала, – отвечала моя служанка, – при всем моем уважении к мадам графине, что дьявол уже давным-давно сшил себе мантию из кожи этого господина.

Я перебрала в уме всех своих знакомых, кто мог удостоиться особого внимания сатаны, но их было так много, что я не знала, на ком остановиться.

– Так как мадам не догадывается, – продолжала мадемуазель Ростанд, – осмелюсь сама

сказать: это граф Сен-Жермен!

– Граф Сен-Жермен! – воскликнула я. – Человек, творящий чудеса!

– Он самый.

Моему удивлению не было предела – граф в Париже, в моем доме. Вот уже восемь лет, как он покинул Францию, и никто о нем не слышал. Обуреваемая любопытством, я приказала просить графа.

– Как он назвал себя, своим собственным именем?

– Нет, теперь он называет себя мсье де Сант-Ноэль. Но я все равно его ни с кем не спутаю.

Горничная вышла, и через некоторое время появился граф. Он выглядел посвежевшим, как будто даже помолодел. Он сказал мне то же самое, но вряд ли его комплимент был столь же искренен, как мой.

– В лице умершего короля, – сказала я ему, – Вы потеряли друга и защитника.

– Я вдвойне переживаю эту утрату: от себя и от имени Франции.

– Но Франция иного мнения, она приветствует нового короля.

– Это ошибка. Новый король окажется роковым для Франции.

– Что Вы говорите? – спросила я, понизив голос и оглядываясь по сторонам.

– Правду... Организуются гигантский заговор, пока еще у него нет четкого предводителя, но вскоре он появится. Цель заговора – ни много ни мало сбросить существующий строй и перестроить все по-новому. Заговорщики враждебно настроены по отношению к королевской семье, духовенству, аристократии, властям, судьям. Однако еще есть время, чтобы остановить заговор. Потом будет поздно.

– Откуда Вы все это знаете? Вы это все видели во сне или наяву?

– Кое-что слышал своими ушами, кое-что было мне раскрыто. Королю нельзя терять ни секунды.

– Вам нужно добиться аудиенции у графа де Морепа и все ему рассказать: король ему всецело доверяет, и граф может все.

– Я знаю, он может все, но только не спасти Францию. Скорее, именно он ускорит ее падение. И сильно повредит Вам, мадам.

– Вы говорите такие вещи, что за одно это Вас уже могут упечь в Бастилию до конца Ваших дней.

– Такие вещи я говорю только лишь друзьям, которым доверяю.

– И все равно, повидайте де Морепа; намерения у него хорошие, ему просто не хватает способностей.

– Он не послушает меня; к тому же он вообще настроен против меня. Знаете глупый стишок, из-за которого он оказался в ссылке?

Красавица маркиза – открытый блеск красы,
Окружены двора Вы похвалами,
Но все же и роскошные цветы
Быть могут только лишь цветами.

– Рифма неточна, граф.

– Да! Маркиза не очень-то обратила внимание на этот стишок, но она знала, кто автор, а он сделал вид, что это я стащил у него оригинал и послал его ей. Вслед за публикацией этого стихотворения он попал в немилость и с тех пор включил меня в список своих заклятых врагов. Он никогда не простит меня. Но вот что, мадам, я предлагаю Вам. Расскажите обо мне королеве, обо всем, что я сделал для Франции, с какими миссиями ездил в разные страны Европы. Если Ее Величество согласится выслушать меня, я расскажу ей все, что знаю; а тогда пусть она сама решит, стоит ли мне предстать перед королем или нет; но

никакого участия мсье де Морепа – это мое sine qua non¹.

Я внимательно выслушала графа и представила, сколько опасностей снова выпадет на мою голову, если я ввяжусь в это дело. С другой стороны, я знала, насколько хорошо граф разбирается во всех политических течениях Европы, и посему не хотела упускать случая оказать услугу королю и Франции. Граф, угадывая мои противоречивые чувства, сказал:

– Обдумайте мое предложение; я нахожусь в Париже инкогнито, никому обо мне не рассказывайте, а я буду ждать Вашего ответа завтра ровно в одиннадцать часов в церкви Якобинцев на улице Сент-Оноре.

– Я бы предпочла, чтобы Вы пришли сюда.

– С удовольствием; тогда до завтра, мадам.

И он ушел. Весь день я размышляла о его странном появлении и о его жутких словах. Как! Мы все накануне крупных социальных перемен? Над нынешним правлением, которому все сулили самую счастливую судьбу, собираются грозовые тучи?

После долгих размышлений я решила представить мсье Сен-Жермена королеве, при условии, конечно, что она не будет против этой встречи. Он пришел ко мне на следующий день в назначенный час и очень обрадовался моему решению. Я спросила, собирается ли он надолго оставаться в Париже; он ответил отрицательно – в его планы не входило задерживаться во Франции.

– Я появлюсь здесь вновь, – сказал он, – не ранее чем через сто лет.

Я растерялась, и он рассмеялся в ответ. В тот же день я отправилась в Версаль; там, пройдя через парадные залы, я столкнулась с мадам де Мизери и попросила ее передать королеве, что прошу принять меня, как только это будет возможно. Старшая фрейлина королевы вернулась с ответом, что Ее Величество ждет меня. Я вошла; королева сидела за чудесным письменным столом из белого фарфора – это был подарок короля. Королева писала, когда я вошла, она грациозно повернулась и спросила:

– Что Вам угодно?

– Мадам, я всего-навсего хочу спасти монархию.

Ее Величество с удивлением посмотрела на меня.

– Извольте объяснить.

Я рассказала о Сен-Жермене все, что о нем знала, о его близких отношениях с умершим королем, с мадам Помпадур, герцогом Шуазелем; сказала, какие услуги он оказал Франции благодаря своим дипломатическим способностям; еще я поведала королеве, что после смерти маркизы он удалился от двора, и никто не знал, где он находится.

Когда любопытство Ее Величества достигло предела, я передала ей все, что накануне открыл мне граф.

Казалось, королева задумалась, потом она сказала:

– Странно, вчера я получила письмо от моего таинственного корреспондента, в котором меня предупреждают, что вскоре мне будет открыто нечто очень важное и что я должна крайне внимательно к этому отнестись, иначе может произойти множество несчастий. Примечательное совпадение, если только не предположить, что источник один. Что Вы думаете по этому поводу?

– Не знаю, что и сказать. Ваше Величество получает эти таинственные послания вот уже несколько лет, а граф Сен-Жермен вновь появился в Париже только лишь вчера.

– Может, он специально скрывался от людей?

– Возможно, однако что-то мне подсказывает, что нельзя оставить его слова без внимания.

– В конце концов, ничего худого из этой встречи не будет. Доверяю Вам завтра привезти его в Версаль, оденьте его в Вашу ливрею и проведите в свои апартаменты. Как только я смогу встретиться с ним, то пошлю за вами обоими. Я выслушаю его только в

¹ Букв.: «обязательное условие» (лат.).

Вашем присутствии.

Я низко поклонилась, и королева обычным жестом отпустила меня. Однако следует признать, что мое доверие к графу несколько покачнулось, когда я узнала о таинственном письме, полученном королевой. Все это уж очень напоминало обычные дворцовые козни, и я подумала, не поговорить ли мне с ним об этом? Но потом решила промолчать, потому что у него в любом случае должен быть готов вполне убедительный ответ.

Мсье Сен-Жермен ждал меня на улице. Как только я увидела его, то приказала остановить карету, он сел, и мы вместе поехали ко мне домой. Граф сидел со мной за столом, но, как обычно, ничего не ел. После обеда он предложил мне вернуться в Версаль и поспешил заверить, что спать будет в гостинице, а ко мне придет завтра. Я согласилась, готовая сделать все для успеха этого предприятия.

Мы находились в моих апартаментах – в Версале эта часть дворца называлась «анфилады», когда пришел один из пажей королевы и передал, что Ее Величество просит меня прислать второй том книги, которую я привезла по ее просьбе из Парижа. Это была условленная фраза. Я дала пажу какую-то книгу, не помню точно какую, а когда он ушел, тут же отправилась к королеве в сопровождении своего «лакея».

Мы прошли через кабинеты; мадам де Мизери провела нас в личные покои, где Ее Величество ожидала нас. Королева приняла нас ласково и с достоинством.

– Господин граф, – обратилась она к Сен-Жермену. – Вы очень хорошо знаете Версаль.

– Мадам, почти двадцать лет я находился в близких дружеских отношениях с умершим королем; он любезно прислушивался к моим советам; несколько раз он даже соизволил прибегнуть к моим услугам и, думаю, не пожалел об этом.

– Вы хотели, чтобы мадам д'Адемар привезла Вас ко мне. Я благоволю к ней и не сомневаюсь, что то, что Вы хотите мне рассказать, заслуживает внимания.

– Ваше Величество настолько мудры, – торжественным голосом начал граф, – что сами рассудите по достоинству. Партия энциклопедистов рвется к власти, но сможет получить ее, только если падет духовенство, а чтобы добиться этого, она свергнет монархию.

Они ищут предводителя среди членов королевской семьи и остановили свой выбор на герцоге Шартре – принц станет орудием в руках людей, которые легко принесут его в жертву, как только он станет им не нужен. Ему пообещают корону Франции, а вместо этого он получит эшафот. Но сколько жестокостей, сколько преступлений произойдет до этого! Закон перестанет быть защитой для добропорядочных граждан и угрозой для преступников. И именно преступники захватят власть в свои обагренные кровью руки; они отменят католичество, аристократию, монархию.

– И останется только королевская династия! – в нетерпении прервала его королева.

– Нет, даже этого не останется!.. Одна лишь кровожадная республика с экзекуторским топором вместо скипетра.

При этих словах, не в силах сдерживаться, я осмелилась прервать графа в присутствии Ее Величества и вскричала:

– Мсье! Вы понимаете, что говорите и кому говорите?

– Действительно, – добавила слегка возбужденная Мария-Антуанетта, – мои уши не привыкли выслушивать подобные откровения.

– Лишь особые обстоятельства придают мне смелости говорить Вам все это, – спокойно ответил граф Сен-Жермен. – Я здесь не для того, чтобы выражать Ее Величеству свою покорность, к этому, думаю, Ваше Величество привыкли. Я хочу указать на опасности, грозящие короне, с тем чтобы были приняты скорейшие меры для их предотвращения.

– Вы очень самоуверенны, мсье, – сердито заметила Мария-Антуанетта.

– Мне самому тяжело сознавать, что я рассердил Ваше Величество, но я могу говорить только правду.

– Мсье, – ответила королева, принимая шутливый тон, – иногда правда неправдоподобна.

– Согласен, мадам, и в данном случае это именно так; но Ваше Величество позволит

мне, в свою очередь, напомнить Вам, как Кассандра предсказывала гибель Трои, а ей никто не поверил. Сейчас я – Кассандра, а Франция – царство Приама. Еще несколько лет пройдут обманчиво спокойно, но потом со всех концов страны соберутся кровожадные, жаждущие власти и денег люди; они сметут все на своем пути.

Мятежный народ и некоторые великие государственные мужи будут оказывать им поддержку. Все будет как в бреду. Разразится гражданская война со всеми ее ужасами – убийствами, грабежом, ссылками. Тогда пожалеют, что не послушали меня; возможно, меня даже попробуют найти, но будет уже поздно... буря сметет все на своем пути.

– Признаюсь, мсье, что этот разговор удивляет меня все больше и больше, и если бы я не знала, что Вам оказывал доверие умерший король и что Вы оправдывали это доверие... Вы хотите встретиться с королем?

– Да, мадам.

– Но без участия мсье де Морепа?

– Он мой враг. Кроме того, я отношу его к тем, кто будет способствовать гибели Франции не по злему умыслу, но по своей несостоятельности.

– Вы строго судите человека, к которому все благосклонны.

– Он больше, чем просто премьер-министр, мадам, и потому вокруг него немало льстецов.

– Если Вы желаете встретиться с королем без участия мсье де Морепа, боюсь, Вам придется трудно. Его Величество ни шагу не делает сам без своего главного советчика.

– Я готов служить Вашим Величествам до тех пор, пока Вам это будет угодно, но я не являюсь Вашим подданным и повиновение с моей стороны – акт добровольный.

– Мсье, – прервала его королева, которая в тот период не могла подолгу оставаться серьезной, – где Вы родились?

– В Иерусалиме, мадам.

– А... когда?

– Ваше Величество простит мне слабость, присущую многим. Я не люблю говорить о своем возрасте. Это плохая примета.

– Ну, а мои секреты раскрыл Королевский альманах. Прощайте, мсье, Вам передадут волю короля.

Это был конец аудиенции. Мы вышли, и по дороге домой Сен-Жермен заметил:

– Я сразу собираюсь покинуть Вас, мадам, и надолго. Во Франции я задержусь не более чем на четыре дня.

– А почему Вы решили уехать так скоро?

– Королева передаст Его Величеству все, что я рассказал ей. Людовик XVI, в свою очередь, перескажет это мсье де Морепа, тот подпишет приказ о моем аресте (*lettre de cachet*) и передаст его шефу полиции. Я знаю, как делаются подобные дела, и совершенно не хочу оказаться в Бастилии.

– А для Вас разве это что-либо значит? Вы и в замочную скважину проберетесь.

– Я предпочитаю обходиться без чудес. Прощайте, мадам.

– Но если Вас призовет король?

– Я вернусь.

– А как же Вы узнаете?

– У меня есть свои каналы, не волнуйтесь об этом.

– Но я-то буду скомпрометирована!

– Нет, прощайте.

Он ушел, предварительно сняв мою ливрею. Я страшно волновалась. Я пообещала королеве, что не покину дворец, чтобы быть рядом с ней, если понадобится...

Через два часа ко мне пришла от имени Ее Величества мадам Мизери. Такая быстрая реакция не предвещала ничего хорошего. У Марии-Антуанетты я застала Его Величество. Королева была смущена. Людовик XVI, напротив, очень открыто встретил меня, подошел, изящно поцеловал руку, как он умел это делать, когда был в хорошем настроении, и спросил:

- Мадам д'Адемар, что Вы сделали с Вашим волшебником?
- С графом Сен-Жерменом, сир? Он отбыл в Париж.
- Он серьезно растрожил королеву. Прежде он говорил Вам что-либо подобное?
- Не так детально.

– Мы не сердимся на Вас за это, ни я, ни Ее Величество. Ваши намерения нам хорошо известны. Но как мог незнакомец осмелиться предсказать нам такое! И, кроме того, он зря скрывается от мсье Морепе, этот достойный гражданин знает, как закрыть глаза на личные неприязни перед лицом интересов монархии. Я поговорю с ним об этом, и, если он посоветует мне встретиться с Сен-Жерменом, я так и сделаю. Граф умный и способный человек – еще мой дед наслаждался его обществом. Но сначала я хотел бы заверить Вас, что независимо от последствий незаурядного поведения этого таинственного человека Вас никто и ни в чем обвинять не будет.

От такого проявления доброты, а королева говорила со мной не менее ласково, чем король, глаза мои наполнились слезами. Я вернулась к себе немного успокоенная, но совершенно озадаченная поворотом этого дела и втайне поздравила себя с тем, что Сен-Жермен все правильно предсказал.

Еще через два часа я все еще сидела у себя в комнате, погруженная в раздумья, когда в дверь постучали. Я услышала непривычный шум, почти сразу обе створки двери распахнулись, и слуга объявил монсеньора графа де Морепе. Я поднялась навстречу с большей поспешностью, чем если бы это был король Франции. Премьер-министр вошел с улыбкой.

– Извините, мадам, за бесцеремонный визит, – сказал он, – но я должен задать Вам несколько вопросов. Из вежливости я сам пришел к Вам.

Придворные того времени были очень галантны с дамами, чего не скажешь о нынешних после бурных событий, перевернувших все вверх дном. Я ответила по этикету, и, закончив со вступлением, Морепе перешел к делу.

– Итак, вернулся наш старый друг, граф Сен-Жермен?.. И снова за старое, снова плутовать.

Я готова была прервать его, но премьер-министр остановил меня молящим жестом и продолжал:

– Поверьте мне, я знаю этого проходимца лучше Вас, мадам. Меня удивляет лишь одно: за эти годы я так сильно постарел, а Ее Величество убеждает меня, что графу на вид не дать более сорока лет. Но как бы то ни было, нам надо знать, откуда у него такая информация... Он, конечно, не оставил Вам своего адреса?

– Нет, мсье.

– Мы найдем его, у наших полицейских ищеек хороший нюх... Далее... Король благодарит Вас за рвение. Ничего страшного с Сен-Жерменом не произойдет, мы просто посадим его в Бастилию, там его будут кормить, его ждет отдельная теплая камера, а он нам расскажет, откуда в его распоряжении оказались такие тревожные факты.

В это время дверь моей комнаты с шумом открылась и вошел... граф Сен-Жермен! Я вскрикнула, мсье Морепе поспешно поднялся, выражение его лица изменилось. Чудотворец приблизился к нему и произнес:

– Господи, граф де Морепе! Король попросил Вас дать ему совет, а Вы думаете только о своем благополучии. Вы помешали мне встретиться с монархом и тем самым погубили монархию, ибо время, которое я могу выделить для Франции, ограничено, и это время истекло, я не появлюсь здесь ранее, чем через три поколения. Я рассказал королеве все, что мне было дозволено рассказать ей, королю я поведал бы много больше. К сожалению, между мной и Его Величеством встали Вы. Когда страшная анархия охватит всю Францию, мне не в чем будет себя упрекать. Вы уже не увидите этих ужасов, но Вы останетесь в памяти людей человеком, который способствовал этой анархии... Вам не будут поклоняться потомки, Вы бездарный и легкомысленный министр! Вас будут вспоминать в числе тех, кто привел империю к гибели!

Сказав все это на одном дыхании, Сен-Жермен повернулся к двери, вышел, закрыл ее за собой и исчез».

Все попытки найти графа были тщетны, заключает мадам д'Адемар...

Меч над царственной главой

Мадам д'Адемар в своих воспоминаниях о жизни Сен-Жермена, этого «чудо-человека», воспроизводит переписанные с одного из писем графа пророческие строки о падении французского престола².

Все ближе время то, когда ты, Франция,
В пучину бед войдя, раскаешься, поняв свою беспечность,
И стон отчаянья разбудит адский пламень.
Тот день грядет, о королева! Нет сомнений.

Рога коварной гидры
Пронзят алтарь, трон и Фемиду.
Безумье, победив рассудок, будет править миром.
Все ниц падут перед злодеем. Да!

Увидим мы паденье скипетра, Фемиды, духовенства,
Гербов и башен,
Даже замков, спаситесь пытавшихся поднять белых флагов.
Не знал спокойный мир, что будет он метаться в лихорадке

Повального обмана и убийств...
Повсюду разольются реки крови.
И хор рыдающих по жертвам заглушит
Шум шагов, бегущих от расправы!

Со всех сторон грохочет гром войны гражданской.
Добро гонимо, и, суд верша над ним,
Все голосуют: Смерть, Смерть, Смерть.
Великий Боже! Кто ответит тем кровавым судьям?

Не меч ль мне чудится, занесенный над царственной главой?
Каких уродов чествуют и славят, как героев?
Победный марш и стоны побежденных.
Власть и бессилие...

От бури нет спасенья людям, вручившим жизнь свою дырявой
лодке.

Вихрь зла, разврата, преступлений тяжких

² См. Святейшая Тринософия. Под ред. О. А. Володарской. М., 1998.

Грозит вовлечь в свой танец смерти
Всех подданных, имущих власть иль нищих.

И будут властью наслаждаться все новые и новые тираны,
И множество сердец заблудших найдут покой в раскаянье.
В конце концов сомкнется бездна,
И, возносясь из темноты могилы,
Воспрянет к лучшей доле прекрасной лилии цветок.

Марию-Антуанетту весьма встревожили эти зловещие пророчества. Она допытывалась у мадам д'Адемар, что она думает об их значении. Та отвечала:

– Они внушают страх, но, несомненно, не имеют касательства к Вашему Королевскому Высочеству.

Та же д'Адемар рассказывает об одном драматическом эпизоде. Сен-Жермен назначил встречу в церкви сей благородной даме незадолго до восьмичасовой мессы. Мадам отправилась в назначенное место в своем портшезе и записала следующий разговор, состоявшийся между нею и таинственным адептом:

«Сен-Жермен. Я – Кассандра, пророк зла... Мадам, тот, кто сеет ветер, пожнет бурю... Я ничего не могу поделать; мои руки связаны тем, что сильнее меня.

Мадам. Вы увидите королеву?

Сен-Жермен. Нет, она обречена.

Мадам. Обречена на что?

Сен-Жермен. На смерть.

Мадам. А Вы – Вы тоже?

Сен-Жермен. Да. Возвращайтесь во дворец; передайте королеве, чтобы она остерегалась, – день этот станет для нее фатальным...

Мадам. Но маркиз Лафайет...

Сен-Жермен. Шар, надутый пустыми словами. Как раз сейчас они стовариваются, что с ним делать: то ли обратить его в орудие, то ли в жертву; но к полудню все будет решено... Час отдыха миновал, и указы Провидения должны быть исполнены.

Мадам. Чего же они хотят?

Сен-Жермен. Полного краха Бурбонов. Они свергнут их со всех занимаемых престолов, и менее чем через столетие Бурбоны, все ветви рода их, будут низведены до ранга простых смертных. Франция как королевство, республика, империя, затем в смешанных формах правления будет корчиться в муках, сотрясаться от волнений и раздираться на части. Из рук классовых тиранов она перейдет к тем, кто амбициозен и лишен достоинства.

...Вечером 16 мая 1770 года в Версале двое детей, девочка четырнадцати лет и толстячок пятнадцати лет, лежали в постели за тяжелыми занавесями. Месье дофин и мадам дофина – будущий Людовик XVI и будущая королева Мария-Антуанетта – были уложены в постель в соответствии с дворцовыми правилами. Король Людовик XV принял рубашку своего внука, а графиня де Шартр помогла зардевшейся девушке снять ее рубашку. Внезапно занавеси вокруг королевского ложа раздвинулись, как требовали правила церемониала, и молодые супруги предстали перед всем двором. Придворные приветствовали их низким поклоном.

Наконец они остались одни. Луи едва взглянул на юную блондинку, бледную как полотно... и громко захрапел.

За королевской трапезой Луи так много ел, что дед зашептал ему на ухо:

– Молодому супругу не следует так наедаться на ночь.

Дофин в ответ засмеялся:

– Почему, я наоборот лучше сплю, когда сытно поем.

И он действительно прекрасно спал все ночи к недоумению супруги. В своем личном

дневнике он записал: «Опять ничего». Это «ничего» продолжалось семь лет. Молодая принцесса с отчаяния погрузилась в вихрь удовольствий и развлечений, правда, сохраняя верность супругу.

В воскресенье, 30 января 1774 года, около полуночи, она возвратилась с бала. Больше всего ей нравились эти балы – можно было не соблюдать этикет, скрывшись под маской, и веселиться от души. В толпе она заметила молодого иностранца, которого ей представили несколько недель назад, и она уже встречала его на «балах по понедельникам». Ах, эти карнавалы! Мария подошла к нему и долго разговаривала, он так и не узнал ее. Молодой человек был высок, красив, любезен и не обладал манерами «куртуазного ловеласа». Они беседовали, смеялись, пока Марию-Антуанетту не стали узнавать окружающие и ей не пришлось исчезнуть.

Молодой иностранец, привлечший внимание Марии-Антуанетты, был сыном знатного шведского дворянина и путешествовал по Европе в целях повышения образования. Он был старше дофины только на два месяца, и его звали граф Аксель Ферсен. Она ему показалась красивой, он ей – привлекательным, и только.

Они вновь увиделись через четыре года. Королева узнала его, как только он вошел в салон.

– А, вот и мой старый знакомый!

Аксель увидел Марию-Антуанетту другими глазами. Перед ним была не девочка, а красивая женщина. Людовик XVI наконец согласился на операцию, которая прошла успешно, и он стал полноценным супругом – королева ждала первого ребенка. Ее красота расцвела, и Мария-Антуанетта, бесспорно, была самой красивой женщиной двора. Королеве нравилось, когда ей об этом говорили.

Молодую королеву окружали светские щеголи, ветреники, забавные остряки и сплетники. Может, поэтому ее привлекла спокойная грация и достоинство красивого шведа. Однажды она попросила его показать ей военную форму шведского драгуна. Молодой человек подчинился и был принят по этому поводу в личных апартаментах королевы. Как рассказывал один из участников этого приема, королева очень внимательно рассматривала голубой камзол, поверх которого была надета белая туника, замшевые лосины, черный кивер с желто-голубым султаном. Она разглядывала и восхищалась. Может, Мария-Антуанетта еще и не любила его, но проявляла явный интерес. Что до Акселя, то он был влюблен, и так сильно, что предпочел сбежать, записавшись в экспедицию в Америку.

Окружение королевы, привыкшее к легким нравам придворной жизни, было удивлено:

– Как, месье, вы уезжаете, не насладившись вполне своей победой?

– Я не одерживал никаких побед и никого не бросаю, – возмущался честный юноша, – я уезжаю, не совершив ничего, о чем бы сожалел впоследствии.

Только узнав о его возможном отъезде, Мария-Антуанетта поняла, что имеет «склонность» к этому молодому человеку. И когда он явился просить отставки, она не могла отвести от него полных слез глаз.

Но отъезд не состоялся. После длительного ожидания погоды в Гавре экспедицию отменили, и Ферсен был вынужден вернуться в Версаль. Хотя он и не просил никакого места, благодаря хлопотам королевы его назначили полковником в королевский полк. В окружении королевы находилось много завистливых людей, и они стали находить его поведение «менее сдержанным», а Аксель написал отцу: «Ее доброта ко мне и назначение полковником заделали всех молодых придворных».

Когда королева приезжала в Трианон, она приглашала Акселя на камерные вечера. В один из таких вечеров королева спела куплеты, которые будут использованы в опере «Дидона». В них говорилось, что «его присутствие при дворе вдохновляет ее».

Двадцать шесть лет спустя, после посещения представления «Дидоны» в Стокгольмской опере, Аксель напишет: «Сколько воспоминаний и сожалений о потерянном счастье нахлынуло на меня на этом спектакле!»

Чтобы более не компрометировать королеву своим присутствием, Аксель вновь стал

хлопотать о своей отправке в Америку. В марте 1780 года он был назначен помощником к генералу де Рошамбо и отправился в Брест, а оттуда отплыл в Америку на Корабле «Язон», оснащенный шестьюдесятью четырьмя пушками. Они вновь встретились только через три года.

Однажды королева музицировала на арфе в «золотом салоне». Постучали в дверь и доложили о посетителе. Вошел Аксель Ферсен. Он очень изменился за эти годы. Уезжал в Америку «красивым как ангел», теперь же постарел на десять лет. Мария-Антуанетта прервала игру и протянула ему руку для поцелуя. Аксель был очарован ее красотой: все, кто видел королеву, восхищались ее стройной фигурой, плавной походкой и в особенности ее ослепительной кожей, столь белой, столь прозрачной и нежной, что рисовавшая ее портрет художница мадам Вижэ-Лебрэн жаловалась, что не может передать этот цвет.

Мария-Антуанетта, казалось, вновь обрела свою «склонность». Что было между ними? Аксель признавался в письме к сестре, что «королева любит его по-настоящему», и он любит ее всей душой и чувствует ужасную неловкость, оставаясь с ней наедине.

На следующий год он приехал в Версаль вместе с королем Швеции, который путешествовал под именем графа де Ваза. Они пробыли при дворе шесть недель. Мария-Антуанетта была счастлива. Когда она смотрела на Акселя, ее лицо начинало светиться. «Склонность» превращалась в страсть. Но за праздниками и балами Мария-Антуанетта не забывала, что Аксель беден, и старалась устроить его дела. И перед отъездом в Швецию Аксель получил в подарок патент на Королевский шведский полк и двадцать тысяч ливров ренты как командир полка.

С дороги он писал множество писем таинственной Жозефине, которой была королева Франции.

В последние годы перед мучительной смертью Марии-Антуанетты на эшафоте им редко удавалось встретиться. Шведский полк квартировал в Валансьене, потом Аксель вернулся в Швецию, чтобы участвовать в войне против России.

Как-то во время его отсутствия Людовик XVI вернулся с охоты сильно расстроенный. На расспросы королевы он ответил, что ему передали письма, полные ужасных обвинений в адрес Акселя и Марии-Антуанетты.

– Они хотят отнять у нас единственного друга, на которого мы могли рассчитывать в трудную минуту, – вздохнула королева и предложила королю не принимать больше шведа по его возвращении во Францию.

Король воспротивился, и Аксель Ферсен, вернувшись во Францию, приезжал три или четыре раза верхом в Трианон и беседовал с Марией-Антуанеттой, прогуливаясь по парку по нескольку минут. Это все, что она могла себе позволить днем, обязанности королевы и осторожность большего не позволяли.

Только ночью они могли встретиться наедине. В те две ужасные ночи в октябре 1789 года, когда взбунтовавшиеся парижане осаждали Версаль, он не покинул ту, кто составляла счастье всей его жизни. Провел ли он их в покоях королевы? Утверждают, что да. Когда королевская семья переехала в Тюильри, он мог проникать во дворец через потайную неохраемую дверь. Двадцать седьмого декабря Аксель пишет своей сестре, графине Пипер: «Наконец-то я провел целый день с ней, представь мое счастье!»

Позднее, десятого апреля, когда уже звучали глухие раскаты революции, он писал: «Я бываю счастлив» только когда мне удастся увидеться наедине с моим «другом», этой бедной женщиной, которой угрожает смерть; этот ангел обладает смелостью, выдержкой и хрупкостью. Мы никогда не любили друг друга столь сильно».

С какой страстью и самоотверженностью пытался он спасти от смерти ту, в ком была вся его жизнь! Акселю было поручено осуществить план побега, который он сам скрупулезно подготовил. В организации побега участвовал также маркиз де Буйе, преданный роялист и личный друг Сен-Жермена, из чего можно сделать предположение, что граф, возможно, помогал беглецам.

Поздно вечером 20 июня 1791 года во дворце Тюильри все было как обычно. Король и

королева готовились ко сну. Только прислуга была отослана раньше обычного часа. Оставшись одни, они снова оделись в совершенно простое дорожное платье, не соответствующее их высокому положению. В будуаре королевы собрались ее дети и сестра короля. Отсюда потайным ходом, разбившись на группы, через определенные промежутки времени вышли из дворца, причем последним его покинул король с семилетним дофином. Беглецы, не будучи узnanными, достигли площади Карусель, где их ждал граф Ферсен, главный организатор побега. Он был переодет кучером. Следуя за ним, беглецы дошли до угла улицы Сент-Оноре, где сели в две заранее приготовленные кареты. В одной из них уже находилась маркиза де Турзель, воспитательница королевских детей. Сейчас она выступала под видом русской подданной баронессы Корф, что и удостоверял паспорт, имевшийся у нее на руках. Анна Кристина Корф, урожденная Штегельман, была дочерью известного петербургского банкира и вдовой русского полковника, убитого в 1770 году. После смерти мужа она поселилась с матерью в Париже, где состояла в дружеских отношениях с графом Ферсеном, вовлекшим ее в заговор. Она не только предоставила свой паспорт, но и пожертвовала все свое состояние в пользу королевской семьи.

«Баронесса» с детьми покидала революционный Париж, ее сопровождали горничные и слуги. Именно эту роль надлежало сыграть членам королевской семьи: Людовик изображал камердинера, Мария-Антуанетта и сестра короля – горничных мнимой русской баронессы. Граф Ферсен взгромоздился на козлы, взял вожжи, и кавалькада тронулась в путь. За заставой Сен-Мартен все пересели в крытую линейку, запряженную двумя парами принадлежащих Ферсену лошадей. Правил ими его кучер, наряженный почтальоном, сам граф разместился рядом на козлах.

Под видом лакеев беглецов сопровождали трое лейб-гвардейцев – телохранителей. До Бонди доехали благополучно, сменили лошадей и тронулись дальше, но уже без Ферсена – король был категорически против, чтобы он ехал с ними дальше. Может быть, он считал для себя невозможным находиться под защитой того, кого считали любовником его жены. Королева еле сдержала слезы, когда Аксель открыл дверцу кареты и поцеловал руку Марии-Антуанетты. После этого он отправился обратно в Париж, откуда той же ночью по другой дороге должен был отбыть в Брюссель, где намеревался вновь присоединиться к королевской семье.

Ничто не возбуждало подозрения у постов национальной гвардии, и экипаж нигде не задерживали. Тем более что при досмотре баронесса Корф предъявляла паспорт, выданный министерством иностранных дел, в котором предписывалось беспрепятственно пропускать баронессу, направляющуюся во Франкфурт с двумя детьми, горничными, камердинером и тремя слугами.

В седьмом часу вечера экипаж с беглецами достиг почтовой станции в Сен-Мену. Было еще светло. И тут произошло то, что сорвало всю так тщательно спланированную и с таким трудом организованную операцию. Людовик неосторожно высунул голову из окна экипажа. Это погубило его и королеву.

Восьмилетняя девочка, вертевшаяся возле, подняла золотую монету, оброненную одним из слуг-телохранителей во время расплаты с почтмейстером. «Как это изображение на монете похоже на господина, который сидит в экипаже», – воскликнула она. Слова ее не прошли мимо почтмейстера Жака-Батиста Друэ, патриота и революционера. Он незаметно заглянул в карету и убедился, что девочка права. Сходство человека в платье камердинера с изображением профиля на монете было несомненным. То же одутловатое, массивное лицо, нос с горбинкой, та же прическа. Друэ уже не сомневался, что в карете едет король, вернее, спасается бегством из революционного Парижа. Но предпринимать что-либо было поздно – экипаж уже тронулся и поблизости не было никого из тех, кто помог бы его задержать.

Тогда Друэ вскочил на лошадь и во весь опор помчался в Варенн, куда направился экипаж. Он был уверен, что прибудет туда раньше, так как поскакал окольной дорогой, значительно сокращавшей путь.

В полночь, когда королевский кортеж достиг Варенна, маленький городок был уже на

ногах. Отныне ему суждено войти в историю, а неизвестному до этого почтарю стать членом Конвента. Впоследствии он попадет в плен к австрийцам, будет обменян на дочь Людовика XVI, примет участие в заговоре Бабефа, бежит из-под стражи и кончит дни где-то в Америке.

По тревоге, поднятой Друэ, вооруженные жители встретили беглецов. Окружив карету, они потребовали выйти, и тут все убедились, что почтмейстер не ошибся. Правда, король пытался поначалу отрицать свою личность, как, впрочем, и королева, но это была бесплодная попытка.

Над городком гудел набат, народ все прибывал, появились, наконец, и национальные гвардейцы.

Вокруг арестованных сверкали сабли и щетинились штыки, раздавались возгласы: «Да здравствует республика!» Послали нарочного в Париж. Вскоре оттуда прибыли комиссары Национального собрания с официальным приказом об аресте. Прочитав его, Мария-Антуанетта, полная негодования, обрушилась на них с упреками и угрозами. В припадке ярости схватила этот приказ, бросила на пол и растоптала. Ее гнев и отчаяние можно понять – она знала, что теперь ей не избежать революционного трибунала.

Только 23 июня Ферсен узнал о катастрофе, о том, что король был узнан и возвращен с королевой в Париж. «Все потеряно, – пишет он своему отцу, – я в отчаянье!»

Мария-Антуанетта понимала, как жестоко будет страдать любящий ее человек, находясь вдали от нее. В ту ужасную ночь в Варенне она все время спрашивала:

– Как вы думаете, месье Ферсену удалось спастись?

Едва вернувшись в Тюильри, 29 июня королева написала ему: «Я еще существую. Как я о Вас волновалась и как сожалею о тех страданиях, что Вы перенесли, не имея о нас никаких сведений. С нас не сводят глаз ни днем, ни ночью, но мне это все равно. Прощайте. Я не могу больше писать...»

Почти не сохранилось писем королевы к Ферсену, большинство было уничтожено. Одно из чудом сохранившихся свидетельствует о горячих чувствах Марии-Антуанетты к «дорогому Риньону», как она называла Ферсена: «Я хочу сказать, что люблю вас и только об этом и думаю... Сообщите мне, кому я могу пересылать письма для вас, ибо не могу жить без них. Прощайте, самый любимый и самый любящий из людей. Я вас обнимаю от всего сердца».

Несчастливая женщина тем более не находила себе места, потому что месяцами не имела никаких вестей от Ферсена. Она просит их общего знакомого: «Если будете ему писать, скажите, что ни расстояния, ни страны не могут разлучить сердца; я убеждаюсь в этом каждый день».

Отчаянное положение усилило ее чувства. Она отправляет тому же знакомому два кольца. На внешней стороне каждого были выгравированы три лилии, на внутренней стороне – надпись: «Трус, кто их бросит». Она писала: «То кольцо, что завернуто в бумагу, – для него, пусть сохранит его, оно как раз его размера, я носила его на руке два дня, прежде чем отправить. Сообщите ему, что это от меня. Я не знаю, где он, это ужасное мученье не иметь никаких известий и даже не знать, где находятся любимые нами люди».

Аксель не покинул Марию-Антуанетту. Он развил бурную деятельность, отправился в Вену, потом по всей Европе собирал коалицию для освобождения пленников Тюильри. Ему это не удалось – слишком разные интересы столкнулись. Тогда он готовит новый побег и, чтобы получить согласие на этот план, решается сам приехать в Париж. Он приехал 13 февраля 1792 года. Это было безумие. Он – иностранец, отдан приказ об его аресте, но Аксель рисковал своей жизнью для того, чтобы вырвать Марию-Антуанетту у ее жестокой судьбы. С поддельными документами, под видом курьера он пробрался в Париж. Никем не замеченный, Аксель проникает во дворец через знакомую ему потайную дверь и не покидает покоев королевы до вечера следующего дня. «К счастью, она живет все в тех же комнатах», – пишет он в своем дневнике.

В шесть часов вечера Ферсен встречается с королем. Почему эта задержка на целые сутки? Скрыла ли королева от мужа присутствие Акселя, чтобы побыть с ним наедине?

Король отказался от побега, не желая повторять историю, случившуюся в Варенне. «Действительно, много раз обещав остаться, он стал шепетилен и отказался бежать, так как он честный человек», – писал Аксель. В девять тридцать Аксель покидает Марию-Антуанетту и незаметно выскальзывает из Тюильри.

Он больше никогда не увидит Марию-Антуанетту. Никогда!

Не в силах помочь, Аксель отправился в Брюссель и оттуда проследил ее путь в бездну. Надо перечитать письма королевы, полные отчаяния, чтобы понять страдания Акселя. Дворец Тюильри превратился в обломки корабля, разбитого революционной бурей. Мария-Антуанетта жила там в тоске и тревоге, прислушиваясь к зловещему шуму за его стенами, желая иногда мгновенной смерти, чтобы прекратить эту пытку ожидания конца. «Я еще жива, но это просто чудо», – пишет она 20 июня.

23 июня: «Ваш друг в огромной опасности...»

26 июня: «Сообщите всем, кто близок королю, чтобы они поостереглись, времени почти нет...»

3 июля: «Наше положение ужасно. Сможем ли мы вновь увидеться в спокойной обстановке?»

24 июля: «Жизнь короля и королевы в огромной опасности, толпа убийц у стен дворца растет с каждым часом...»

Больше она не писала, или не смогла отправить письма, или их перехватили. Через пятнадцать дней парижский люд захватил дворец и Мария-Антуанетта была заточена в башне Тампля. Аксель только по газетам мог следить за ее падением в бездну. «Я себя упрекаю за то, что дышу, – писал он сестре. – Когда я думаю, что она заточена в этой ужасной тюрьме, у меня разрывается сердце».

Знал ли он о том, что шевалье де Ружвиль, офицер, влюбленный, как и он, в королеву, попытался устроить ей побег и даже вывел ее во двор тюрьмы, но тут подкупленные им стражники передумали и задержали ее? Четырнадцатого октября, накануне начала суда над королевой, Аксель писал в своем дневнике: «Хотя нет никаких доказательств вины этой несчастной женщины, этим злодеям нечем кичиться, они осуждают на основании расплывчатых заявлений и по подозрению. Нет... не будем обольщаться! Покоримся воле небес, ее гибель предрешена». Предсказание Сен-Жермена сбылось.

В этот вечер в опере играли «Армиду» Глюка. Сколько раз в замке Трианон пела эту арию Мария-Антуанетта, аккомпанируя себе на клавесине:

– Ах, если б мне была дарована свобода!

Узнав о казни, Ферсен был в отчаянии. Через четыре месяца он получил печатку, сделанную для него Марией-Антуанеттой. На ней был изображен летящий голубь, а сверху надпись: «Все пути ведут меня к тебе».

Пройдет семнадцать лет, а он все будет вспоминать о ней, все семнадцать лет до 20 июня 1810 года, когда будет растерзан толпой в Стокгольме. Как лидер шведской аристократии он был обвинен вместе с сестрой в причастности к отравлению юного принца-наследника Христиана-Августа. Во время похорон озверевшая толпа жестоко его избивала, ему оторвали уши, превратили лицо в кровавое месиво. «Все пути ведут к тебе...» Чтобы воссоединиться с возлюбленной королевой на небе, он принял еще более мученическую смерть, чем она.

ОКОЛДОВАННЫЕ ЛЕГЕНДОЙ

Проклятие магистра

Как пишет исследовательница жизни графа И. Купер-Оукли, Сен-Жермен был связан с обществами «Азиатские братья» или «Рыцари Святого Иоанна Евангелиста» из Восточной Европы, с «Рыцарями Света» и с прочими группами розенкрейцеров в Австрии и Венгрии, а

также с мартинистами в Париже. Был причастен Сен-Жермен и к тамплиерам.

В своих мемуарах Калиостро прямо говорит о том, что был посвящен в орден тамплиеров (храмовников) самим Сен-Жерменом. Кое-кто из этого делал сногшибательный вывод, будто граф Сен-Жермен являлся наследником несметных богатств уничтоженного в XIV веке ордена рыцарей-тамплиеров, успевших спрятать свои сокровища, которые будто и достались графу. Во всяком случае, есть едва ли не достоверные сведения, что Сен-Жермен являлся тайным агентом ордена тамплиеров, вернее, одной из уцелевших его организаций. Его задачей было объезжать различные ложи и устанавливать между ними порванные связи. Кадет де Гассикур утверждал в 1765 году, что Сен-Жермен выполнял эту миссию по поручению парижского центра рыцарей-тамплиеров.

История тамплиеров уходит в седую древность. По преданию, орден был основан в XII веке в Палестине после первого крестового похода. Он возник как воинское братство для охраны дорог, ведущих к святому граду Иерусалиму. Крестоносцы выделили ордену здание, стоявшее на том месте, где в библейские времена находился храм Соломона. С тех пор орден и стал именоваться орденом бедных братьев Христа из храма Соломона или просто орденом храмовников (тамплиеров).

Ни один духовно-рыцарский орден, а их было основано в Палестине немало, не наделялся столь широкими правами и привилегиями. Не удивительно, что тамплиеры процветали, их влияние распространялось по свету, а богатства, принадлежавшие ордену, поражали воображение.

Спустя столетия тамплиеры перебрались во Францию, где успешно занимались торговлей и ростовщичеством. Они владели большими земельными наделами в разных странах. На них сыпались щедроты светских государей и князей, папы осыпали их милостями, даровали права приобретать и строить церкви и предоставляли прочие привилегии. Возглавлял орден великий магистр.

Когда в XIII веке тамплиеры окончательно перебрались в Европу, французский король Филипп IV Красивый решил подчинить себе орден со всеми его богатствами. Он конфисковал их земли. Так начался многолетний конфликт между королем и орденом тамплиеров. Дошло до того, что Филипп задумал вообще ликвидировать орден. Но как это сделать? И король пустил в ход такое оружие, как «худая молва», то есть диффамацию.

Трибунал инквизиции возбудил дело против тамплиеров, обвинив их в ереси. В октябре 1307 года все тамплиеры во Франции были арестованы. Начался процесс над ними. Судьи заседали в замке Тампль, то есть в Храме (отсюда как бы подтверждение названия тамплиеры, или храмовники). Было заслушано 138 членов ордена, а всего под следствием только в Париже находилось 546 тамплиеров. Полученные в ходе дознания (с применением пыток) сведения вполне удовлетворяли судей и короля.

В итоге судьба тамплиеров была решена на Вселенском соборе, осудившем еретический орден. Тамплиеры будто бы добровольно сознались в своих заблуждениях, а посему орден должен быть уничтожен. Дело было сделано. За этим последовало полное уничтожение тамплиеров повсюду. И первое, что сделал Филипп Красивый, – завладел наличными капиталами уничтоженного ордена, объявив их казну, находившуюся в Тампле, королевским достоянием. Однако свои несметные сокровища – золото, серебро и драгоценные камни – тамплиеры сумели надежно спрятать, да так, что до сих пор ведутся их розыски.

Что касается самих членов ордена, то всех их подвергли репрессиям, приговорили к пожизненному заключению. Последний акт драмы разыгрался в Париже 11 марта 1314 года на площади перед собором Нотр-Дам. В этот день был оглашен приговор. Но двое из осужденных – великий магистр ордена Жак де Моле и Жофруа де Шарне заявили, что оспаривают справедливость вердикта. Однако не просят о снисхождении, а прилюдно отрекаются от показаний, которые у них вырвали под пытками.

Над площадью воцарилась гробовая тишина. Всем было ясно, что своим заявлением оба они обрекают себя на костер. С точки зрения инквизиции, они «вторично впали в ересь».

В тот же день вечером состоялась казнь. Уже на костре Жак Моле проклял гонителей ордена, предал анафеме всех, кто погубил тамплиеров, предсказав скорую собственную их погибель.

И действительно, вскоре скончался король Филипп, затем при загадочных обстоятельствах – три его сына, один за другим. Со смертью последнего из них – Карла IV прекратилась династия Капетингов.

А дальше последовали еще более удивительные события, подтверждающие предсказание великого магистра. На Францию и правящую новую династию Валуа посыпались неслыханные бедствия. Началась знаменитая Столетняя война. Один король, Иоанн Добрый, умер в плену у англичан, другой – Карл V – пал под яростью восставших, третий – Карл VI – сошел с ума.

Многие другие представители династии Валуа умерли насильственной смертью: Генрих II убит на турнире, Карл IX отравлен, Генрих III зарезан фанатиками. Но и следующая династия Бурбонов продолжала испытывать на себе проклятие Жака Моле: основатель династий Генрих IV пал от кинжала убийцы, а Людовик XVI погиб на эшафоте. И интересная деталь: перед казнью этот король сидел в заточении в той самой башне Тампль, некогда бывшей оплотом тамплиеров.

Получалось, что не все они погибли, а продолжали мстить. Это из их рядов выходили те, кто действовал кинжалом, ядом и подстрекательством и на протяжении веков крушил врагов ордена и их потомков. Так, можно сказать, произошло второе рождение тамплиеров и возрождение ордена, который существовал веками. Тайная нео-тамплиерская организация вновь выработала свою символику, свой устав, свои правила приема новых членов. Так образовалась связь времен, и погибший в пламени костра великий магистр и его сподвижники из XIV века перешли в XVIII век.

Вот почему вполне возможно, что Сен-Жермен являлся в роли тайного агента новообразованного ордена.

Ученики и последователи

У графа Сен-Жермена еще при его жизни были ученики и последователи. Например, создатель теории так называемого животного магнетизма австрийский врач Месмер, которого, как и Сен-Жермена, считали магом и волшебником. Он стал первым, кто поставил вопрос о раздельном существовании человеческой души и тела. А прославился он на всю Европу тем, что лечил при посредстве пассов или легкого прикосновения, в результате чего из тела магнетизера переходит в организм больного особый флюид, оказывающий целебное действие. Говоря сегодняшним языком, он занимался психотерапией.

Для тех, кто верил во «внезапные» появления и такие же «внезапные» исчезновения Сен-Жермена, не стал неожиданностью и его внезапный приезд в Вену. Граф вполне вписывался в облик «старой Вены» с ее оккультными тайнами, с розенкрейцерами и алхимиками, с чудотворцами, тамплиерами и их многочисленными приверженцами.

Приехать в Вену Сен-Жермена пригласил доктор Месмер, хорошо знавший графа и предложивший вместе продолжить изучение животного магнетизма. Сен-Жермен находился в Вене тайно, его знали здесь под именем «американец из Фельдэрхофа». Жил он в доме на улице Люгеке, 3. Граф много помогал Месмеру, и здесь, в Вене, были записаны все новейшие теории доктора.

В Вене Сен-Жермен сошелся со многими мистиками, посещал известную обсерваторию розенкрейцеров на Ландштрассе, созданную в XVII веке протестантским пастором Иоганном Валентином Андреа, основателем ордена розенкрейцеров. Место это издавна славилось как район привидений. Здесь же обосновалась и одна из организаций старого ордена тамплиеров, а также общества, так или иначе связанные с масонством: Каноники Святого Храма в Иерусалиме, Благотельные рыцари Святого Града, Рыцари Св. Иоанна Евангелиста и др.

Что касается Месмера и его учения, то Сен-Жермен с интересом вникал в его сущность

о «влиянии планет на человеческое тело». По его теории выходило, что существует своего рода «психологический эфир», заполняющий весь космос и небесные тела. Эта некая таинственная сила, изливаясь через далекие небесные пространства, действует на каждую материю изнутри, поскольку некий изначальный эфир, таинственный флюид пронизывает всю вселенную. Течения и волнения в этом эфире вызывают процессы в обществе на земле, определенные состояния людей, способствуют возникновению болезней и трагических ситуаций. Для лечения людей надо ограждать их от течений в эфире и тем самым вызывать кризис, что будет предшествовать выздоровлению.

Месмер создал целое направление в оккультизме, а также предложил использовать для разных целей, в том числе и для предсказаний, гипноз. Это не могло не заинтересовать Сен-Жермена, несомненно наделенного даром ясновидения.

Знал он и о том, как Месмер пришел к своему открытию. Дело было в случае. Однажды к барону Хараски де Харха, страдавшему «спазмами», которые не могли вылечить доктора, пригласили Месмера. Он приехал в имение знатного больного. Под одеждой у него были спрятаны магниты. Месмер был убежден, что он сам человек-магнит и что для лечения нужно подзаряжаться от других магнитов.

Несколько дней врачеватель держал больного за руки, за ноги, пускал ему кровь и верил, что избавит тело от воздействия течений в окружающем эфире. И, о чудо! – припадки ослабели, и все поверили, что лечение подействовало.

По Вене поползли слухи о чудодейственном методе. Месмер изготовил прибор, распространяющий магнетизм. Он состоял из нескольких банок «намагниченной воды», в которую были погружены магниты, соединенные стальными пластинами. Конструкция эта размещалась в деревянной трубе, наполовину заполненной железными опилками. Воду разбрызгивали по комнате, чтобы распространить магнитную силу. Больные ложились рядами, держались за руки и получали волны магнитной, или магнетической, энергии.

И представьте, многие болезни неожиданно проходили! Все это и стали называть месмеризмом.

В дополнение ко всему Месмер оказался незаурядным оратором. Он убедительно разъяснял свой метод. Короче говоря, с помощью уговоров, гипноза Месмер лечил людей. Он обучал своему методу, устраивал лечебницы в разных городах Франции, Пруссии, Австрии. Пациенты-аристократы основали даже фонд магнетической компании. Во Франции он существовал под названием «Гармоничное общество ученых».

И действительно, были случаи, когда Месмер, делавший пассы вокруг больных своими «заряженными» руками, излечивал от недугов. Но вскоре установили, что никакой энергии и эфира не существует, а излечение наступает за счет внушения (гипноза). Этот метод применил и ученик Месмера – Пюисегюр, продолживший изыскания в магии предсказаний. Про Пюисегюра говорили, что он «открыл миру чудо ясновидения» и доказал восприимчивость человеческой психики к гипнозу.

В этом же ряду стоит назвать и загадочного португальского аббата Фариа (прототип героя романа А. Дюма «Граф Монте-Кристо»), продолжившего опыты с гипнозом. История его такова.

Человек, известный во Франции как аббат Фариа, родился в Индии близ Гоа в 1756 году. Он был сыном Каэтано Виторино де Фариа и Розы Марии де Соуза. По отцовской линии происходил от богатого индийского брамина Анту Синай, который в конце XVI века перешел в христианство.

Когда мальчику, которого нарекли именем Хосе Кустодио Фариа, исполнилось пятнадцать лет, отец отправился с ним в Лиссабон. В столицу Португалии они прибыли на корабле «Св. Хосе» в ноябре 1771 года. Прожив здесь без особого успеха несколько месяцев, Каэтано решил попытать счастья в Риме. Заручившись поддержкой влиятельных лиц и протекциями, он отправился в Италию. Здесь ему больше повезло: сам он получил звание доктора, а сына пристроил в колледж пропаганды. В 1780 году Хосе закончил курс теологии.

В Лиссабоне, куда он не преминул вернуться, ему представилась блестящая

возможность для карьеры. Его назначили проповедником в королевскую церковь. Произошло это не без помощи отца, который к тому времени стал исповедником королевы.

Но вот наступает 1788 год. И неожиданно отец и сын Фариа спешно покидают Португалию. Что побудило их к бегству? Почему они вынуждены были бросить с таким трудом добытое положение?

Есть основание считать, что оба они оказались участниками заговора, возникшего в Гоа в 1787 году. Получив сведения о раскрытии планов заговорщиков, они успели спастись бегством. Свои стопы отец и сын направили в Париж.

Здесь молодой Хосе встретил революционный 1789 год. Его назначают командиром батальона санкюлотов. А несколько лет спустя Хосе пришлось убираться из столицы: ему не простили его прошлое.

Оказался он на юге, в Марселе, где, как уверял позже, стал членом Медицинского общества. Впрочем, подтверждений этому нет. Зато точно известно, что Фариа был профессором Марсельской академии, преподавал в местном лицее и даже поддержал однажды бунт учащихся, после чего его перевели в Ним на должность помощника преподавателя. А отсюда, арестованный наполеоновской полицией, он был доставлен в карете с железными решетками снова в Марсель, где и состоялся суд. Его обвинили в том, что он будто бы является последователем Гракха Бабефа. Столь опасного преступника самое надежное поместить в замок Иф. Сюда, в мрачные казематы, и угодил Хосе Фариа.

Сколько лет томился он в крепости, точно не известно. Освободили его после того, как был низвергнут Наполеон. Хосе получил возможность вернуться в Париж. И вот он уже в столице, где на улице Клиши в доме номер 49 открывает зал магнетизма.

Всего пять франков требовалось заплатить за то, чтобы стать свидетелем или участником поразительных по тем временам опытов аббата Фариа. Какие же чудеса совершались в доме на улице Клиши?

Еще раньше, вскоре после того, как Фариа впервые приехал в Париж, он подружился с графом Пюисегюром – учеником «излечителя» Месмера, с упорством фанатика проповедующего свое учение о «животном магнетизме». Граф, следуя наставлениям Месмера, считал себя человеком, улавливающим некие сверхъестественные токи, от которых якобы зависят все явления, носящие название магнетических.

Производя бесплатно в своем поместье лечение по советам Месмера, граф случайно открыл особое состояние, названное им искусственным сомнамбулизмом. Пюисегюр и посвятил Фариа в практику магнетизма. С тех пор аббат, вспомнив о своих предках браминах, широко использовавших гипноз, стал заядлым последователем ученого графа.

В доме на улице Клиши отбоя не было от посетителей, в основном женского пола. Одних приводила сюда надежда на исцеление от недуга; других – возможность себя показать и мир посмотреть; третьих – просто любопытство. Странная личность аббата, высокий рост и бронзовая кожа, репутация чудодея и врачавателя немало способствовали успеху его предприятия.

Очень скоро опыты убедили его в том, что нет ничего сверхъестественного в так называемом сомнамбулизме. Он не прибегал к «магнетическим пассам», не пользовался ни прикосновениями, ни взглядом. Слово маг из восточной сказки, аббат вызывал «магнетические явления» простым словом «спите»! Произносил он его повелительным тоном, предлагая пациенту закрыть глаза и сосредоточиться на сне.

Свои опыты он сопровождал разъяснениями. «Не в магнетизере тайна магнетического состояния, а в магнетизируемом – в его воображении, – наставлял он. – Верь и надейся, если хочешь подвергнуться внушению». За четверть века до английского врача Джемса Бреда он пытался проникнуть в природу гипнотических состояний. Для него не было ничего сверхъестественного в гипнотизме. Тайна его – внушение. Никаких особых сил, свойственных гипнотизерам, не существует. Фариа впервые заговорил об одинаковой природе сна сомнамбулического и обыкновенного.

Об опытах «бронзового аббата» говорила вся столица. Популярность потомка

браминов росла день ото дня. Публику привлекало, однако, не теоретическое изложение идей аббата, а сами гипнотические сеансы.

Церковники с яростью и хулой обрушились на экспериментатора. Хотя Фариа был человеком верующим, он, не колеблясь, встретил нападки теологов, утверждавших, что магнетизм – результат действия флюидов адского происхождения.

И все же церковники победили. Их проклятия и наветы заставили клиентов и любопытных забыть дорогу в дом на улице Клиши. Маг и волшебник был вскоре всеми покинут. Без пенсии, сраженный превратностями судьбы, оставленный теми, кто еще недавно ему поклонялся, он оказался в нищете.

Чтобы не умереть с голоду, пришлось принять скромный приход. Тогда-то он и написал свою книгу, посвятив ее памяти своего учителя Пюисегюра. Называлась эта книга «О причине ясного сна, или Исследование природы человека, написанное аббатом Фариа, брамином, доктором теологии». Умер он в 1819 году.

* * *

Среди хороших знакомых Сен-Жермена стоит назвать и знаменитого графа Калиостро (Джузеппе Бальзамо), мага и чародея, спирита, чья жизнь и приключения под стать нашему герою. Впрочем, современники считали, что Калиостро уступал Сен-Жермену в таланте и гениальности. Говорили, что Сен-Жермен обязан славой своему знанию, а Калиостро – удаче и интригам.

Калиостро утверждал, что он был посвящен в масоны Сен-Жерменом на Мальте. С тех пор Сен-Жермен руководил им и режиссировал его действия, являлся для него оракулом.

Сен-Жермен и Калиостро встречались не раз. Существует много тому свидетельств. Они виделись в Париже, в Гамбурге и Вене, во Франкфурте-на-Майне и в Касселе, в Кенигсберге и Миттау... Случалось, их встречи носили характер секретных аудиенций и происходили по ночам, скорее всего во время масонских бдений. Как и Сен-Жермен, граф Калиостро умел убедить, как писал его современник, иезуит де Баррюэль, что «владеет эликсиром бессмертия, что претерпел несколько превращений в ходе своих перерождений, умирал до трех раз, но больше не умер и что прожил полторы тысячи лет».

Как уверяет современный историк Патрик Ривьер в своей работе «Тайны и мистерии оккультизма, Сен-Жермен и Калиостро», существует оккультный документ, в подлинности которого, по его мнению, нет сомнения. На нем стоят личные подписи графа Сен-Жермена и графа Калиостро. П. Ривьер считает этот документ неопровержимым доказательством общности взглядов и даже сотрудничества этих двух мистиков XVIII столетия. И хотя биографии их значительно различаются, подчас происходит некоторое смешение этих двух адептов «Тайного знания». Ходили даже слухи, что Калиостро был камердинером Сен-Жермена, у которого и выучился тайным наукам. Видели их вместе и в Париже на спиритических сеансах кардинала Луи де Рогана, замешанного вместе с Калиостро в знаменитом скандале с похищением ожерелья Марии-Антуанетты.

Вместе с главной виновницей, похитившей ожерелье, Жанной де Ламотт, на скамье подсудимых оказались кардинал Роган и знаменитый «маг и волшебник» граф Калиостро. Он жил в доме кардинала, имел на него огромное влияние и пользовался безграничным доверием, ловко извлекая из карманов хозяина звонкую монету. В этом смысле он был достойным соперником авантюристки в юбке Жанны де Ламотт. Такой век – для шарлатанов и магов наступили золотые времена.

Авантюрист незаурядного пошиба, человек безусловно неглупый и образованный, Калиостро снискал шумный успех во многих европейских столицах. Незадолго до скандала с ожерельем он побывал в Петербурге, где под именем графа Феникса поражал высший свет своими чудесами. «У княгини Волконской вылечил больной жемчуг; у генерала Бибикова увеличил рубин в перстне на одиннадцать каратов и, кроме того, изничтожил внутри его пузырек воздуха; Костичу, игроку, показал в пуншевой чаше знаменитую талию, и Костич на

другой же день выиграл свыше ста тысяч; камер-фрейлине Головиной вывел из медальона тень ее покойного мужа, и он с ней говорил, и брал ее за руку, после чего бедная старушка совсем с ума стронулась... Словом, всех чудес не перечесать», – писал о некоторых проделках Калиостро в одноименном рассказе А. Н. Толстой.

Под стать графу Сен-Жермену он, например, уверял, что обладает жизненным эликсиром и будто бы родился чуть ли не до нашей эры, познал тайну исцеления всех болезней, знает секрет философского камня, позволяющего обращать любой металл в золото. Мало того, умеет вызывать и разговаривать с духами, разгадывать сокровенные мысли, предсказывать судьбу с помощью волшебного зеркала. И многими другими чудесами поражал этот волшебник и чародей. Калиостро в присутствии нескольких человек вызывал призраки великих людей прошлого, то есть, как мы говорим сегодня, подвергал рецепторов массовому гипнозу. Об этом писали даже французские газеты. В них сообщалось, что в доме на улице Сен-Клод состоялся фантастический ужин на тринадцать персон, среди которых, кстати, был кардинал Роган. В тот вечер гости «встретились» и «разговаривали» с некоторыми умершими знаменитостями, в частности с Вольтером, Монтескье и Дидро.

Вернувшись из России, где был уличен в приверженности масонству, здесь тогда запрещенному, и откуда по этой причине был выслан, он поселился сначала в Лионе, а затем в конце января 1785 года перебрался в Париж под крылышко своего нового покровителя Рогана.

Уверовав в сверхъестественные возможности графа-чародея, кардинал уповал на его волшебное искусство и надеялся, что тот с помощью магии и заклинаний поможет ему вернуть расположение королевы, которое он с некоторых пор утратил. Разумеется, тот не возражал и убедил Рогана, что королева переменила к нему отношение на более благосклонное. Видимо, «маг и волшебник» не разгадал подлинных намерений Жанны де Ламотт. Более того, ведя свою игру и убеждая кардинала в симпатии к нему королевы, он невольно содействовал планам авантюристки. Она оказалась ловчее. И во время следствия обвинила Калиостро в том, что он является главным организатором похищения ожерелья. Именно он осуществил аферу, присвоив себе самые крупные бриллианты. Другие, более мелкие, переправил в Лондон. Что касается ее, Жанны, то она оказалась вовлеченной в обман «подлым алхимиком».

Еще во время следствия, а потом на суде словно приоткрылся ящик Пандоры, из которого разлетались сенсации одна чище другой. На улицах распевали:

Наш красавчик-кардинал за решетку вдруг попал.
Ну, смекни-ка, почему угодил дружок в тюрьму?
Потому что правит нами не закон – мешок с деньгами.

Следствие подошло к концу, и Жанна де Ла-мотт и остальные привлеченные по делу предстали перед парижским парламентом – высшей судебной инстанцией.

Процесс велся с соблюдением всех необходимых юридических правил. И ни одна деталь судебной процедуры не была утаена. Парижане знали о всех перипетиях разбирательства, которое порой принимало скандальный характер, разжигая любопытство.

Мнения болельщиков, надо сказать, резко разделились. Одни считали Рогана виновным и не сомневались, что Жанна была его любовницей. Другие, в особенности женщины, заявляли о своей поддержке его преосвященства и в знак солидарности стали носить красно-желтые ленты, что являлось символом – «кардинал на соломе», то есть в тюрьме.

На суде Жанна продемонстрировала поразительное присутствие духа, была неистощима в изворотливости. Когда видела, что рушится построенная ею система защиты, не моргнув глазом тут же выдвигала новые факты, естественно, выдуманные. Если и их опровергали, ссылалась на другие, не менее искусственные.

На вопрос, откуда у нее оказалось сразу так много денег, отвечала, что это должно быть лучше известно кардиналу, ведь она была его любовницей и он ее содержал. Одному

свидетелю, показавшему против нее, заявила, что с его стороны нахальство выдвигать против нее обвинения, после того как он хотел ее изнасиловать.

В Калиостро Жанна швырнула бронзовый подсвечник после того, как он назвал ее «дьявольской проституткой», и, громко хохоча, напонила ему, как он любезничал со «своим голубком» и приставал к ней с прочими воркованиями.

Под давлением показаний она вынуждена была признаться в том, что до сих пор упорно отрицала, после чего с ней случился обморок. Побежали за уксусом. И когда тюремщик поднял ее на руки, чтобы отнести в камеру, она, очнувшись, до крови укусила его в шею, начала симулировать безумие. Перебила все в камере, отказывалась от пищи. Тюремщики не раз заставляли ее лежащей совершенно обнаженной на кровати. Но ничто ей не помогло.

Мадам де Ламотт защищал пожилой юрист Дуало, которому его подзащитная ухитрилась вскружить голову. Этого всеми уважаемого седого человека демоница словно околдовала.

Не меньший успех выпал и на долю Калиостро. По обычаю была опубликована его собственная защитительная речь. Над ней, написанной по-итальянски, в живой и пикантной форме, потешался весь город. «О, как бы это сочинение было прекрасно, если бы только в нем все соответствовало истине», – писала газета «Корреспонданс литтерэр». В этой записке Калиостро рассказывает самые невероятные истории о своем рождении, о той волшебной науке, которую он постиг, о чудодейственных исцелениях, которые он творил. Защищаясь, он напоминал, что мадам де Ламотт называла его эмпириком, низким алхимиком, мечтателем, колдующим над философским камнем, лжепророком.

Он отвечал ей: «Эмпирик! Мне часто приходилось слышать это словечко, но, по правде говоря, так никогда и не смог выяснить, что же оно означает; может, это человек, который, не будучи врачом, обладает познаниями в медицине, посещает больных и не берет плату за свои визиты, лечит бедных без вознаграждения? В таком случае я действительно эмпирик. Низкий алхимик! Алхимик или нет, но определение «низкий» здесь не подходит, так как относится только к тем, кто выпрашивает милости у меценатов и низкопоклонничает, а всем хорошо известно, что граф Калиостро никогда не искал ничего расположения.

Мечтатель, колдующий над философским камнем! Никогда публике не причиняли никакого беспокойства, а тем более ущерба, мои мечтания.

Ложный пророк! Я им никогда не был. Если бы кардинал мне верил, то он бы поостерегся мадам де Ламотт и мы бы не находились сегодня здесь».

В конце он воскликнул: «Выслушайте и полюбите того, кто пришел, чтобы творить добро, кто терпеливо позволяет нападать на себя и смиренно защищается».

Но еще больший ажиотаж, чем защитительная речь Калиостро, вызвали многочисленные памфлеты, которые выплеснуло наружу это нашумевшее дело: «Письмо аббата графине», «Письмо по случаю ареста кардинала», «Неподдельные мемуары Калиостро», «Последний кусок ожерелья» (из серии «Ожерелье») и множество других. Среди авторов этих сочинений можно было обнаружить парикмахеров, лавочников, библиотекарей. Обнаружилась даже целая тайная типография на улице Фоссе-Сен-Бернар, которая занималась выпуском всех этих брошюр по «делу об ожерелье». Руководил ею помощник парикмахера и торговец подержанными книгами. Оба компаньона в конце концов угодили в Бастилию.

Но усилия полиции перед потоком таких публикаций были бессильны и лишь разжигали страсти и нездоровое любопытство. Что уж говорить о фантазии литераторов. Пришпоривая свое воображение, они рисовали самые фантастические картины; художники создавали уморительные карикатуры; поэты сочиняли едкие стишки и песенки, распевавшиеся всем Парижем. Особым спросом пользовалась серия из двадцати двух портретов всех персонажей, вовлеченных в этот дьявольский фарс.

За день до суда парламент собрался, чтобы в последний раз заслушать обвиняемых. Последним в их ряду допрашивался Калиостро. У него был гордый вид триумфатора,

облаченного в замысловатый наряд из зеленой тафты, расшитый золотом.

– Кто вы такой и откуда прибыли? – последовал первый вопрос.

Слегка улыбаясь, он отвечал громким голосом:

– Благородный путешественник.

В ответ раздался взрыв хохота. Это его не смутило. Он продолжал рассказывать невероятную историю своей жизни.

И вот наступил день вынесения приговора.

Какое же решение вынес суд?

Перед правосудием была нелегкая задача. В особенности это касалось кардинала Рогана. Наконец после бурных дебатов в притихшем зале прозвучало: «Невиновен».

Полностью и безоговорочно был оправдан и Калиостро. В отношении Жанны де Ламотт судьи также оказались единодушны: сечь плетьюми, заклеить буквой «V» («voleuse» – «воровка») и пожизненно содержать в тюрьме Сальпетриер.

Всю ночь после оглашения приговора у Дворца Правосудия продолжала бушевать толпа. Торговки с рынка «Чрево Парижа» собрались на площади с букетами роз и жасмина в руках, чтобы приветствовать судей, когда они будут покидать Дворец.

Полмесяца спустя был приведен в силу приговор над Жанной.

Когда четверо дюжих палачей стали готовить ее к экзекуции, она изрыгала потоки грязной брани, пыталась укусить их, отбивалась.

Силой ее заставили встать на колени. «Вы не смеете поступать так с той, в чьих жилах течет королевская кровь Валуа!», – кричала она, обращаясь к толпе, собравшейся поглазеть на казнь. С уст ее срывались проклятия, она требовала отрубить ей голову, но не подвергать позору и отказалась раздеться. Сопrotивляясь, она изорвала в клочья платье. Первые удары плетьюми пришлось по плечам, кожа тут же вздулась красными жгутами. Вырвавшись, она начала кататься по доскам помоста, из-за чего палач наносил удары как попало.

Еще труднее пришлось палачам в момент клеймения. Чтобы выжечь на плече Жанны букву «V», ее силой уложили и прижгли раскаленным железом кожу. Тело ее содрогалось, словно в конвульсиях, и клеймо вышло нечетким. Пришлось вторично выжечь его на ее груди. После этого она потеряла сознание.

Кардинал поспешил покинуть Париж и уехал к себе в Страсбург. Не задержался в столице и Калиостро, он отправился в новое странствие по городам и весям Европы. В это время ему не раз довелось видеться с коллегой по ремеслу «волшебника» графом Сен-Жерменом.

«Когда-нибудь мы еще увидимся..»

Достоверно об уходе графа Сен-Жермена ничего не известно. Ландграф Карл Гессен-Кассельский, у которого Сен-Жермен жил в последние годы перед смертью, свидетельствовал, что граф скончался в его дворце 27 февраля 1784 года. Об этом есть запись в церковной книге города Экернфёрда, а также о том, что 2 марта он был здесь же похоронен без огласки.

Однако современники сомневались в том, что так оно и было и что таинственный маг и волшебник ушел из жизни, как простой смертный. М. П. Холл пишет: «Странные обстоятельства, связанные с его уходом, заставляют нас подозревать, что его похороны были фиктивными», что «абсолютная неясность окружала его последние дни и что никак нельзя доверять объявлению о его смерти».

Еще определеннее высказалась Е. П. Блаватская. Она отмечает: «Разве не смешно предполагать, что если он действительно умер в указанное время в указанном месте, то был положен в землю без пышности и церемоний, официального надзора и полицейской регистрации, которыми сопровождаются похороны людей его ранга и известности? Где же эти сведения? Ни одни мемуары не содержат их, хотя он ушел из поля зрения общества более ста лет назад. Человек, живший при ярком свете полного публичного освещения, не

мог исчезнуть, если только он действительно умер там и тогда, и не оставить после себя никакого следа. Более того, к этому отрицательному мы имеем достоверное положительное свидетельство, что он жил еще несколько лет после 1784 года. Говорят, что в 1785 или 1786 году у него было наиважнейшее конфиденциальное совещание с русской императрицей и что он являлся графине де Ламбаль, когда она предстала перед судом, и за несколько мгновений до того, как была повержена на плаху и палач отрубил ей голову; и возлюбленной Людовика XV Жанне Дюбари, ожидавшей на эшафоте удара гильотины в дни террора 1793 года в Париже».

В одном из своих пророчеств, относящихся, как считают, к 1789–1790 годам, Сен-Жермен предрек: «Я уйду. Когда-нибудь мы еще увидимся. Я очень нужен сейчас в Константинополе. Затем отправлюсь в Англию, где мне предстоит подготовить два изобретения, о которых вы услышите в следующем столетии. Речь идет о поездах и пароходах. Они понадобятся в Германии. Позже произойдут последовательные сдвиги во времена года, особенно яркие изменения ожидают сначала весну, а потом и лето. Все это – признаки приближения конца времен, завершение цикла. Я все это вижу. Поверьте мне, астрологам и метеорологам ничего не известно. Для того чтобы обладать истинным знанием, необходимо учиться у Пирамид. К концу этого столетия я исчезну из Европы и отправлюсь в Гималаи. Мне необходимо отдохнуть. И я должен обрести покой. Ровно через 85 лет я вновь предстану перед людьми. Прощайте. Да пребудет с вами любовь моя».

В 1785 году, то есть год спустя после официальной кончины Сен-Жермена, его видели на масонской ассамблее в Вильгельмсбаде среди таких известных личностей, как Калиостро, Сен-Мартен и Месмер. Видели его и в последующие годы. Анонимный автор писал: «Я очень верю, что граф Сен-Жермен не умер. Его враги, должно быть, распространили этот слух, а старец где-нибудь бродит среди теней, то есть среди нас. Я даже не рискну держать пари – десять против одного, что в данное время уважаемый граф не заключен в какой-нибудь Бастилии».

Одним словом, современники были уверены, что граф Сен-Жермен не умер, а сообщение о его смерти ложное. И еще в 1790-х годах появлялись известия, что настоящий граф Сен-Жермен «ныне жив и здравствует».

Сто лет спустя стали появляться книги о Сен-Жермене, в частности знаменитые «Случаи из жизни графа Сен-Жермена» госпожи Купер-Оукли. Она писала: «Граф Сен-Жермен был посланцем высших существ, управляющих человечеством, для того, чтобы попытаться изменить состояние общества в XVIII веке и чтобы дать то, чего не хватало энциклопедистам и их школе: основу, на которой можно было бы обновить идеи и законы. Сен-Жермен тщетно пытался оказать влияние на представителей привилегированных классов и монархической власти, чтобы добиться от них уступок и реформ, которые не дали бы народным страстям взорваться. Ему не удалось выполнить свою миссию, и он исчез бесследно... Попытка эта не удалась, но граф Сен-Жермен тем не менее продолжает свое дело, и он выступит открыто, как только сочтет нужным, а именно – в нашу эпоху...»

Это было написано сто лет назад в самом конце XIX века. Интерес к таинственному графу пробудился вновь. Возникшее в те годы Теософическое общество и его основательница Е. П. Блаватская провозгласили Сен-Жермена своим предшественником. (Про саму Блаватскую говорили, что «она была Сен-Жерменом XIX века».) И все чаще вспоминали слова Вольтера о Сен-Жермене, что «этот человек бессмертен». Его невиданное долголетие уже в нашем веке объясняли тем, что «...его могучие способности позволяли ему экономить максимально естественную прану».

Он появлялся в различных воплощениях, его видели то здесь, то там. Так, теософ Ч. У. Ледбитер утверждал, что виделся с этим восточным адептом в 1926 году: «Я встретился с ним при самых обычных обстоятельствах, без предварительной договоренности, как будто случайно, спускаясь по бульвару Корсо в Риме. Он был одет, как любой первый попавшийся итальянский джентльмен. Он меня повел в сад на холме Пинчио, мы сели и проговорили больше часа об обществе и о его будущем, вернее сказать, он говорил, а я его слушал и

отвечал лишь тогда, когда он задавал вопросы».

В 1935 году в Чикаго в издательстве «Сен-Жермен Пресс» вышла книга С. У. Балларда «Разоблаченные тайны». В предисловии автор утверждает, что книга издана под руководством графа Сен-Жермена, находящегося в Америке с 1930 года. О графе говорится как о якобы реальном человеке, с которым автор будто бы посетил несколько храмов в Сахаре. Журналист Г. Смит провел расследование всего того, о чем пишет автор, и установил, что «вся эта история лишь вымысел и обман». Несмотря на это, в США в тридцатых годах XX века возникла секта баллардистов, которые почитают Сен-Жермена наравне с Иисусом Христом.

Как пишет историк Е. Б. Черняк, современники, бывшие свидетелями многих казавшихся необъяснимыми действий и поступков Сен-Жермена, заложили первые основания той волшебной сказки, в которую обратились рассказы о его жизни. Еще в середине XIX века император Наполеон III приказал собрать все, что сохранилось в государственных архивах о Сен-Жермене. Но тут грянула франко-прусская война, началась осада Парижа, и здание, где хранились документы, сгорело. Тайна стала еще более непроницаемой, а личность графа еще более загадочной. Этим пользовались, помимо Балларда, многие писатели. Книги и статьи о Сен-Жермене выходили одна за другой, в частности «Бессмертный Сен-Жермен» (автор Морис Магр, Париж, 1939 г.). В 1940 году в журнале «Пари-Миди» появилась статья «Воплотился ли знаменитый маг XVIII века граф Сен-Жермен в декабре 1939 г.?» Подтверждение появилось лишь в 1945 году в газете «Паризьен Либере», где было сказано, что «с юга Франции пришло сообщение, что граф Сен-Жермен вернулся и скоро станет известна его оккультная роль!».

Похоже, что легенда околдовала всех, кто так или иначе прикасался к тайне жизни Сен-Жермена, породив множество самых невероятных вымыслов. (Одна из последних книг «Граф Сен-Жермен» вышла в 1995 году в бельгийском издательстве «Марабу» в серии «История и тайны».) Но несомненно и то, что легенды на пустом месте не возникают. Были, значит, причины, заявляет П. Шакорнак, чтобы считать графа великим мистиком и магом. «Надо полагать, – пишет он, – что современники знали вещи, которых мы не знаем и которые как раз именно такой природы, что не оставляют следов, ощутимых для историка».

Предсказаниями и советами графа Сен-Жермена пользовались Людовик XV и мадам Помпадур. Он устранял дефекты на бриллиантах короля и выращивал жемчужины для фаворитки. Григорий Орлов выплачивал «дорогому отцу» крупные суммы денег за предсказания будущих побед Екатерины II и за помощь в воцарении ее на российском престоле. Теософы и мистики разных стран считали его величайшим пророком, хранителем всех тайн мира.

ISBN 5-237-01674-X

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО